З. Фрейд.
Торможение, симптом и страх

I.

При описании патологических феноменов наш язык различает симптомы и торможения (Hemmungen), не придавая, однако, большого значения этому различию. Если бы нам не встречались случаи заболеваний, о которых приходится сказать, что у них наблюдается только торможение, но нет симптомов, и если бы мы не пожелали узнать, чем это обусловлено, то у нас вряд ли явился бы интерес разграничить понятия "торможение" и "симптом".

Оба эти явления не выросли на одной и той же почве. Торможение имеет особое отношение к функции и вовсе не означает нечто безусловно патологическое. И нормальное ограничение функции можно назвать заторможением ее. Напротив, симптом имеет значение признака болезненного процесса. И торможение, таким образом, может быть симптомом. В таком случае говорят о торможении, имея в виду простое понижение функции, и о симптоме, когда речь идет о необыкновенном изменении функции или о новом действии, не соответствующем нормальному. Во многих случаях кажется совершенно произвольным обозначение положительной или отрицательной стороны патологического процесса, подчеркивание его результата как симптома или как торможения. Все это в действительности вовсе не интересно и постановка вопроса, из которого мы исходили, оказывается мало плодотворной.

Так как торможение по существу своему так тесно связано с функцией, то может возникнуть мысль подвергнуть рассмотрению различные функции Я для того, чтобы установить, в каких формах проявляются их нарушения при отдельных неврологических заболеваниях. Для такого сравнительного исследования мы избираем: сексуальную функцию, еду, двигательную деятельность и профессиональную работу.

А. Сексуальная функция подвержена очень разнообразным нарушениям, большинство которых носит характер простых торможений. Их можно объединить в понятие психической импотенции.

Выполнение нормальной сексуальной функции предполагает очень сложный процесс, нарушение которого возможно в любом месте. Главные остановки торможения у мужчины: отход либидо, необходимого для начала процесса (психическое неудовольствие), отсутствие физической готовности (отсутствие эрекции), сокращение акта (Ejaculatio praecox, которое может быть также описано, как положительный симптом), прекращение акта до естественного конца (отсутствие ejaculatio), отсутствие психического эффекта (ощущения наслаждения, оргазма). Другие нарушения возникают вследствие связи, установившейся между функцией и особыми условиями, извращенными или фетишистскими по природе своей.

Мы не можем дальше скрывать от себя известное отношение торможения к страху. Некоторые торможения представляют из себя очевидный отказ от функций, так как при выполнении ее мог бы возникнуть страх. Непосредственный страх перед сексуальной функцией часто встречается у женщины. Мы его относим к явлениям истерии, так же как и защитный симптом отвращения, появляющийся первоначально как последующая реакция на пассивно пережитый сексуальный акт, а позже при возникновении представления о нем. Большое число навязчивых действий оказывается также мерами предосторожности и предупреждения сексуальных переживаний, являясь, таким образом, также фобическими по своей природе.

Но далеко в понимании здесь не продвигаешься вперед. Можно только заметить, что самые различные способы применяются для того, чтобы нарушить функцию: 1) простой отход либидо, который скорее всего дает картину, названную нами чистым торможением; 2) ухудшение в выполнении функции; 3) затруднение функции благодаря особым условиям ее выполнения и

модификация ее путем отклонения ее на другие цели; 4) предупреждение выполнения функции благодаря мерам предосторожности; 5) прекращение функции вследствие возникновения страха, если начало ее не удается предупредить; 6) последующая реакция, которая протестует и стремится взять обратно совершенное, если функция все же была выполнена.

Б. Самое частое нарушение функции питания — это отвращение к пище вследствие отхода либидо. Нередко также бывает и усиление желания есть; навязчивое стремление к еде, мотивированное страхом перед голодной смертью, мало исследовано. Истерическое отвращение к пище известно нам в виде симптома рвоты. Отказ от пищи под влиянием страха относится к психотическим состояниям (бред отравления).

В. Функция движений тормозится при некоторых невротических состояниях вследствие нежелания ходить и слабостью при хождении: истерические препятствия пользуются двигательными параличами моторного аппарата или создают специальное нарушение одной только данной функции его (абазия).

Особенно характерно затруднение передвижения благодаря требованию определенных условий, при выполнении которых наступает страх (фобия).

Г. Торможение работы, которое так часто становится в виде изолированного симптома, терапевтического воздействия, проявляется как понижение охоты к работе или как плохое выполнение ее или, наконец, как реактивное явление в форме усталости (головокружение, рвота), если обстоятельствами вынуждается продолжение ее. Истерия приводит к прекращению работы вследствие паралича органа и функции, существование которой не совместимо с выполнением работы. Невроз навязчивости нарушает работу беспрерывным отвлечением внимания и потерей времени благодаря остановкам и повторениям.

Этот обзор мы могли бы распространить на другие функции, но нам нечего ожидать, что этим мы достигнем большего! Мы все же оставались бы на поверхности явлений. Решимся поэтому на формулировку, которая не оставит много загадочного в понятии о торможении. Торможение является выражением ограничения функции Я, которое может иметь различные причины. Некоторые механизмы этого отказа от функции и общие тенденции нам хорошо известны.

В случаях специального торможения эту тенденцию легче узнать. Если игра на рояле, писание или даже хождение подвергаются невротическому торможению, то анализ вскрывает причину этого явления в слишком сильной эротизации выполняющих эту функцию органов — пальцев и ног. В общем мы поняли, что Я — функция органа терпит повреждение, если его эрогенность, его сексуальное знание увеличивается. Этот орган ведет себя в таком случае — если можно решиться на несколько рискованное сравнение, — как кухарка, которая не хочет больше работать у плиты, потому что хозяин дома завязал с нею любовные отношения. Если писание, состоящее в том, что заставляют вытечь жидкость из трубочки на кусок белой бумаги, приобретает символическое значение coitus'a или если хождение становится символическим замещением топтания живота матери-земли, то одно и другое — писание и хождение — не выполняются потому, что воспринимаются как выполнение запрещенного сексуального действия. Я отказывается от возможной для него функции, чтобы не быть снова вынужденным совершить вытеснение, чтобы избегнуть конфликта с Оно.

Другие торможения возникают, очевидно, с целью наложить на себя наказание. Это нередко бывает при нарушениях профессиональной деятельности. Я не должно этого делать потому, что это дело приносит ему пользу и успех, — что запрещается строгим Сверх-Я. В таком случае Я отказывается от этого действия, чтобы не вступить в конфликт со Сверх-Я.

Более общие задержки Я протекают другого механизма. Если перед Я стоит психическая задача особой трудности, как, например, необходимость побороть печаль, подавить сильные

аффекты, отгонять постоянно возникающие сексуальные фантазии, то оно настолько беднеет в отношении энергии, которой может располагать, что вынуждено ограничить свои усилия, одновременно направленные на многое другое, подобно спекулянту, который вложил свои деньги в свои предприятия и не располагает свободным капиталом. Поучительный пример такого интенсивного кратковременного общего торможения я имел возможность наблюдать у одного больного, страдающего навязчивостью, который впадал в парализующую усталость, длившуюся один или несколько дней в тех случаях, которые должны были бы, несомненно, вызвать у него взрыв ярости. Исходя из этого, можно, вероятно, найти путь к пониманию общего торможения, которым отличаются постоянные депрессии и самая тяжелая из них — меланхолия.

Резюмируя, можно сказать, что торможения представляют собой ограничения функции Я из осторожности или вследствие уменьшения энергии. Теперь легко понять, чем торможение отличается от симптома. Симптом не может быть понимаем как процесс, происходящий в самом или над Я.

II.

Основы симптомообразования давно исследованы и, будем надеяться, сформулированы безупречным образом. Симптом является признаком и заменой не имевшего места удовлетворения влечения, результатом процесса вытеснения. Вытеснение исходит из Я, которое иногда, по поручению Сверх-Я, не допускает проявления влечения возбужденного в Оно. Я достигает посредством вытеснения того, что представление, бывшее носителем неприемлемого душевного движения, не делается осознанным. Анализ часто показывает, что это представление сохранилось в виде бессознательного образования. До сих пор все ясно, но тут начинаются трудности, с которыми не удалось еще справиться.

Наши прежние описания процесса при вытеснении старательно подчеркивали, как результат его, отстранение от сознания, но в других пунктах оставили место сомнению. Возникает вопрос: какова судьба активированного в Оно влечения, стремящегося к удовлетворению? Ответ давался не прямой и состоял в том, что благодаря процессу вытеснения ожидаемое удовольствие от удовлетворения превращалось в неудовольствие. И тут возникала проблема: каким образом в результате удовлетворения влечения может возникнуть неудовольствие? Мы надеемся объяснить положение вещей, сделав определенное указание, что наметившееся в Оно течение возбуждения благодаря вытеснению вообще не осуществляется, Я удается его приостановить или отклонить. В таком случае отпадает загадка "превращения аффекта" при вытеснении. Этим мы сделали уступку Я в том смысле, что оно может проявлять столь сильное влияние на процессы в Оно, и нам необходимо понять, каким путем открывается ему возможность этого неожиданного могущества.

Я полагаю, что это влияние Я приобретает вследствие своих тесных отношений к системе восприятий, составляющих сущность его в ставших причиной его дифференциации от Оно. Функция этой системы, названной нами W — Bw, связана с феноменом сознания: эта система воспринимает возбуждения не только извне, но и изнутри и, при помощи ощущений "удовольствия — неудовольствия" (Lust — Unlust), которые оттуда до нее доходят, она старается направлять все течения, совершающиеся в психике по принципу удовольствия. Мы представляем себе Я беспомощным по отношению к Оно, но, когда Я восстает против какого-нибудь влечения в Оно, то достаточно ему дать сигнал неудовольствия, чтобы достичь своей цели при помощи почти всемогущей инстанции принципа удовольствия. Если мы на минуту станем изолировано рассматривать эту ситуацию, то сможем иллюстрировать ее примером из другой области. В каком-либо государстве известная клика противится мероприятиям, принятие которых соответствовало бы желаниям масс. Это меньшинство овладевает тогда прессой, обрабатывает при ее помощи суверенное "общественное мнение" и таким образом добивается того, что предполагаемое решение не состоится.

С этим ответом связывается дальнейший вопрос: откуда берется энергия, израсходованная на то, чтобы дать сигнал неудовольствия? Здесь нам указывает путь та мысль, что отражение нежелательного процесса внутри психики должно происходить по образцу отражения внешнего раздражения, т.е. что Я одинаковым способом защищается от внутренней и от внешней опасности. При внешней опасности органическое существо совершает попытку к бегству, отнимая сперва психическую энергию (Besetzung) от восприятия опасного. Позже это существо узнает, что действительным средством являются такие мускульные реакции, благодаря которым восприятие опасности становится невозможным даже если ему не противиться, т.е. удаление из области действия опасности. Подобной попытке к бегству равноценно также и вытеснение. Я отнимает (предсознательную) психическую энергию (Besetzung) от представителей влечений, подлежащих вытеснению, и использует ее для развития чувства неудовольствия — страха. Проблема, каким образом при вытеснении возникает страх — не простая; тем не менее, мы вправе придерживаться взгляда, что Я является настоящим местом проявления страха, и отказаться от прежнего взгляда, что энергия вытесненного душевного движения автоматически превращается в страх. Если раньше я это утверждал, то давал этим феноменологическое описание, но не метапсихологическое.

Из сказанного вытекает новый вопрос: как это возможно с экономической точки зрения, что вследствие одного только процесса отнятия и оттока психической энергии (Besetzung) - как это происходит при обратном отходе предсознательной энергии Я — возникает неудовольствие или страх, которые, согласно нашим предположениям, могут быть лишь следствием повышенной концентрации психической энергии. Мой ответ таков: причина этого явления не может быть объяснена с экономической точки зрения. При вытеснении страх не вновь образуется, а воспроизводится как аффективное состояние соответственно имеющемуся уже воспоминанию. Следующий вопрос о происхождении этого страха, как и аффектов вообще, заставляет нас, однако, оставить бесспорно психологическую почву и вступить в пограничную область физиологии. Аффективные состояния воплощены в психической жизни как осадки травматических переживаний отдаленной древности и в соответствующих этим переживаниям ситуациях воспроизводятся как символы воспоминания. Полагаю, что я был прав, когда уподобил их позже индивидуально приобретенным истерическим припадкам и рассматривал их как нормальные образцы последних. У человека и у родственных ему животных при акте рождения возникают характерные черты выражения аффекта страха, как первого индивидуального переживания этого аффекта. Нам не следует, однако, слишком переоценивать эту связь и, признавая ее, не упускать из вида, что аффективный символ для ситуации опасности является биологической необходимостью и все равно был бы непременно создан. Считаю также неправильным предположение, что при каждой вспышке страха и психической жизни происходит что-то такое, что равносильно воспроизведению ситуации рождения. Нет даже уверенности в том, что истерические припадки, являющиеся первоначально такими травматическими репродукциями, надолго сохраняют этот характер.

В другом месте я утверждал, что большинство вытеснений, с которыми нам приходится иметь дело при терапевтической работе, являются случаями проталкивания вслед (Nachdrangen). Они предполагают имевшие прежде место первичные вытеснения (Urverdrangung), которые оказывают притягательное действие на новую ситуацию. Об этих основах и предшествующих степенях вытеснения еще слишком мало известно. Подвергаешься опасности слишком переоценить роль Сверх-Я при вытеснении. В настоящее время невозможно судить о том, создает ли возникновение Сверх-Я грань между первичным вытеснением и проталкиванием вслед (Nachdrangen.) Первые очень интенсивные вспышки страха возникают, во всяком случае, до дифференциации Сверх-Я. Весьма вероятно, что количественные моменты, как-то: слишком большая сила возбуждения и прорыв защиты от раздражений (Reizschutz) являются ближайшими

поводами к первичному вытеснению.

Упоминание о защите от раздражений говорит нам, подобно сигналу, что вытеснения возникают при двух различных ситуациях, а именно: когда недопустимое влечение пробуждается благодаря внешнему восприятию и когда оно возникает изнутри без такого рода провокации извне. В дальнейшем мы вернемся к этому различию. Но защита от раздражения имеется только против внешних раздражений, а не против требований внутренних влечений.

Поскольку мы изучаем попытку к бегству со стороны Я, мы остаемся в стороне от образования симптомов. Симптом возникает из влечения, которому противодействует вытеснение. Когда Я, воспользовавшись сигналом неудовольствия, достигает своей цели, совершенно подавляя влечение, мы ничего не узнаем о том, каким образом это произошло. Узнать это мы можем только в тех случаях, которые следует отнести к более или менее неудачным вытеснениям.

В последнем случае, в общем, дело обстоит так, что влечение, несмотря на вытеснение, все же находит себе замещение, но последнее носит на себе печать искажения, сдвига, торможения. В нем нельзя больше узнать удовлетворение, оно не сопровождается ощущением удовольствия, но зато этот процесс принимает характер навязчивости. При этом понижении процесса удовлетворения до степени симптома вытеснение проявляет свою силу еще и в другом отношении. Процесс замещения удовлетворения симптомом по возможности отрезывается от выхода наружу при посредстве моторной сферы. Даже и в том случае, когда это не удается, процесс замещения должен исчерпаться изменением на собственном теле и не может перейти на внешний мир, ему запрещено превратиться в действие. Нам это понятно: при вытеснении Я работает под влиянием внешней реальности и потому изолирует от этой реальности успешное течение процесса замещения.

Я владеет доступом к сознанию, как и переходом в действие по отношению к внешнему миру. При вытеснении оно использует свою власть в обоих направлениях. Представление, замещающее влечение, испытывает на себе одну сторону силы этой власти, само влечение — другую. Здесь уместно спросить, как примирить это признание могущества Я с описанием, данным нами в исследовании Я и Оно о положении того же Я.

Там мы описывали зависимость Я от Оно и от Сверх-Я, его бессилие и склонность испытывать страх перед ними и вскрыли, с каким трудом ему удается поддержать свое превосходство. Это мнение нашло впоследствии громкий отзвук в психоаналитической литературе. Многочисленные голоса настойчиво подчеркивают слабость Я перед Оно, рационального перед демоническим в нас и делают попытки превратить это положение в основу психоаналитического "миросозерцания". Не должно ли понимание значения вытеснения удержать именно аналитика от такого крайнего увлечения?

Я вообще не стою за фабрикацию миросозерцания. Предоставим лучше это философам, которые, по собственному признанию, не в состоянии выполнить жизненный свой путь без такого рода Бедекера, содержащего сведения на всякий случай жизни. Примем смиренно презрение, с которым философы смотрят на нас с точки зрения этой своей возвышенной потребности. Так как и мы не можем скрыть своей нарцистической гордости, то постараемся найти утешение в том соображении, что все эти "путеводители жизни" быстро стареют, что именно наша близорукая, ограниченная, мелкая работа создает необходимость во все новых изданиях их и что даже новейшие из этих Бедекеров представляют из себя попытки заменить старый, такой удобный и такой совершенный катехизис. Нам хорошо известно, как мало удалось до сих пор науке пролить свет на загадки этого мира. Все старания философов ничего в этом изменить не могут, и только терпеливое продолжение работы, подчиняющейся исключительно требованию точного знания, может медленно изменить такое положение вещей. Если путешественник поет в темноте, то он этим только скрывает свой страх, но больше он от этого не видит.

Ш.

Вернемся к проблеме Я. Видимость указанного противоречия происходит оттого, что мы ограниченно понимаем абстракции и из сложной ситуации выхватываем только одну или другую сторону.

Отделение Я от Оно кажется вполне правильным, оно навязывается нам определенными обстоятельствами. Но с другой стороны Я тождественно с Оно, составляет только особенно дифференцированную часть его. Если мы в мыслях противопоставляем эту часть целому или если между обеими частями возникло действительное противоречие, то слабость Я становится нам очевидной. Если же Я остается связанным с Оно, неотделимым от него, то проявляется его сила. Таково же отношение Я к Сверх-Я. В большинстве случаев они оба сливаются, и мы можем их различить по большей части только тогда, когда между ними возникает конфликт. В случае вытеснения решающее значение имеет тот факт, что Я организованно, а Оно — нет. Я представляет собой именно организованную часть Оно. Ничем не оправдывается представление о Я и Оно, как о двух различных военных лагерях: при помощи вытеснения Я старается подавить часть Оно, но тут остальная часть Оно спешит на помощь подвергшейся нападению части его и вступает в борьбу с Я. Пожалуй, нечто подобное может и быть, но не таково, безусловно, исходное положение при вытеснении. Обыкновенно подвергающееся вытеснению влечение остается изолированным. Если акт вытеснения показал нам силу Я, то в одном отношении он является показателем бессилия Я и того, что отдельные влечения Оно не поддаются воздействию его. Ибо процесс, превратившийся благодаря вытеснению в симптом, сохраняет свое существование вне организации Я и независимо от последней. И не только он один, все его отпрыски пользуются тем же преимуществом, можно сказать — экстратерриториальностью. И даже там, где последние ассоциативно связываются с частями организации Я, подлежит еще все же сомнению, не перетянут ли они на свою сторону эти части Я и не распространятся ли с их помощью за счет Я. Давно известное нам сравнение видит в симптоме "постороннее тело", поддерживающее беспрерывно явления раздражения и реакции в ткани,' в которую внедрился. Хотя и бывают случаи, когда борьба против неприятного влечения заканчивается образованием симптома, — поскольку нам известно, что это скорее всего возможно при истерической конверсии, — однако процесс принимает другое течение. За первым актом вытеснения следует длительный и не имеющий конца эпилог: борьба против влечения находит свое продолжение в борьбе с симптомом.

Эта вторичная борьба показывает нам два лика с противоположным выражением. С одной стороны Я по природе своей вынуждено предпринять нечто вроде попытки восстановления и примирения. Я представляет собой организацию, основанную на свободе обращения и возможности взаимного влияния между всеми его частями. Его десексуализированная энергия выдает свое происхождение в стремлении к связи и однородности, и этот импульс к синтезу все увеличивается по мере развития Я. Таким образом, понятно, что Я старается устранить характер чуждости и изолированности симптома, пользуясь всякими возможностями каким-нибудь образом связать его с собой во всякого рода связями и воплотить его в своей организации. Нам известно, что такое стремление оказывает влияние уже на самый акт образования симптома. Классический пример тому представляют те истерические симптомы, в которых мы увидели компромисс между потребностью в удовлетворении и в наказании. Выполняя это требование Сверх-Я, эти симптомы с самого начала составляют часть Я, между .тем как с другой стороны они имеют значение отвоеванных обратно позиций вытесненного и порыв последнего в организацию Я. Они являются, так сказать, пограничными станциями, занятыми смешанными отрядами. Все ли первичные истерические симптомы так организованны, это заслуживает тщательного исследования. В

дальнейшем Я ведет себя так, как будто оно руководилось соображением: ну что же, симптом имеется и не может быть устранен; приходится примириться с таким положением вещей и извлечь из него максимально возможную пользу. Тут имеет место приспособление к чуждой Я части внутреннего мира. Представленной симптомом, — такое же приспособление, какое Я обычно в нормальных условиях выполняет в отношении реального внешнего мира. В поводах к этому недостатков нет. Существование симптомов приносит собой известное ограничение деятельности, при помощи которого удается умиротворить требование Сверх-Я или отклонить притязания внешнего мира. Таким образом, на симптом постепенно возлагается защита важных интересов, он приобретает ценность для самоутверждения, все теснее срастается с Я, становится ему все необходимей. Только в редких случаях процесс залечивания постороннего тела может воспроизвести нечто подобное. Это значение вторичного приспособления к симптому можно еще преувеличить, утверждая, что Я вообще создало себе симптом только для того, чтобы воспользоваться его преимуществами. Это так же верно или не верно, как мнение, что раненный на войне нарочно заставил оторвать себе ногу снарядом, чтобы потом, не трудясь, жить на свою инвалидную пенсию.

Другие симптомы при неврозе навязчивости и при паранойе приобретают большую ценность для Я не потому, что приносят ему преимущества, а потому, что доставляют нарцистическое удовлетворение, которого Я лишено. Системы невротиков, страдающих навязчивостью, льстят их самолюбию, создавая им представление о себе, как об особенно чистых и совестливых людях, лучших, чем все другие. Система бреда при паранойе открывает проницательности и фантазии этих больных поле деятельности, ничем для них незаменимое. Из всех этих отношений возникает то, что нам известно как "вторичная" выгода от болезни при неврозах. Эта выгода помогает стремлению Я воплотить в себя симптом и укрепляет фиксацию последнего. Когда мы делаем попытку путем анализа оказать помощь Я в его борьбе против симптома, то находим эти примиряющие условия между Я и симптомом на стороне сопротивления. Нам не так-то легко разрушить эти два приема, которые Я применяет к симптому. Они находятся действительно в противоречии друг с другом.

Второй прием имеет менее любезный характер, действуя в направлении вытеснения. Но кажется, что вам не следует упрекать Я в непоследовательности. Я миролюбиво и согласно воплотить в себе симптом, приобщить его к своему ансамблю. Нарушение исходит из симптома, который, в качестве настоящего заместителя и отпрыска вытесненного влечения, продолжает играть роль последнего, беспрерывно возобновляя притязание на удовлетворение и заставляя, таким образом, Я снова дать сигнал неудовольствия и перейти к самозащите.

Вторичная борьба против симптома очень разнообразна, она разыгрывается на различных сценах и пользуется всевозможными средствами. Мы немного сможем о ней сказать, если не изберем предметом исследования отдельные случаи образования симптомов. При этом у нас найдется повод к тому, чтобы остановиться на проблеме страха, которую мы уже давно чувствуем за нашими рассуждениями. Лучше всего исходить из симптомов, образующихся при истерическом неврозе; на предпосылках симптомообразования при неврозе навязчивости, паранойе и других неврозах не будем останавливаться из-за недостаточной нашей подготовленности.

IV.

Первый случай, который мы рассмотрим, представляет собой детскую истерическую фобию животного, например, безусловно типичный в своих чертах случай фобии лошади "маленького Ганса". Уже при первом взгляде мы убеждаемся, что обстоятельства реального случая некритического заболевания гораздо более сложны, чем мы можем себе представить, имея дело только с абстракциями. Нужно совершить некоторую работу, чтобы разобраться в том, что является вытесненным, душевным движением, что заменяющим его симптомом, что — мотивом

вытеснения.

Маленький Ганс отказывается пойти на улицу, потому что у него страх перед лошадью. Таков сырой факт. Что же тут симптом: развитие ли страха, выбор ли объекта страха, отказ ли от свободы передвижения или несколько из этих моментов одновременно? В чем состоит удовлетворение, в котором он себе отказывает? Почему он должен себе в нем отказать?

Легко ответить, что в этом случае вовсе не так много загадочного. Непонятный страх перед лошадью — это симптом, невозможность пойти на улицу — явление торможения; ограничение, которое Я налагает на себя, чтобы предупредить появление симптома страха. Верность объяснения последнего пункта совершенно очевидна, и в дальнейшем рассмотрении этого случая можно оставить это торможение без внимания. Но первое беглое знакомство со случаем не показывает нам даже настоящего выражения предполагаемого симптома. При более точном исследовании мы узнаем, что дело идет вовсе не о неопределенном страхе перед лошадью, а о вполне определенном боязливом опасении: лошадь его укусит. Правда, это содержание старается укрыться от сознания и заменяется неопределенной фобией, в которой сохраняется еще только страх перед объектом. Это ли содержание является объектом?

Мы не продвинемся вперед, пока не примем во внимание всю психическую ситуацию ребенка, какою она нам открывается во время аналитической работы. У него имеется ревнивая и враждебная эдиповская установка к отцу, которого он, однако, искренне любит, поскольку мать не является причиной этого раздвоения. Другими словами, амбивалентный конфликт, вполне обоснованная любовь и не менее справедливый гнев — оба по отношению к одному и тому же лицу. Его фобия должна быть попыткой разрешить этот конфликт. Подобные амбвивалентные конфликты очень часты, и нам известен другой типичный для них исход. Последний состоит в том, что одно из борющихся между собой душевных движений, обыкновенно, нежное, невероятно усиливается, а противоположное исчезает. Только чрезмерность и навязчивый характер нежности указывает нам, что тут имеется не только одна эта установка, а что нежность находится всегда настороже, чтобы удержать в подавлении противоположное чувство. Это дает нам возможность конструировать развитие этой установки, которое мы описываем, как вытеснение при помощи реактивного образования (в Я). Случаи, подобные маленькому Гансу, не содержат таких реактивных образований; очевидно, имеются различные пути, указывающие выход из амбивалентного конфликта.

Между тем мы с несомненностью установили нечто другое. Влечение, подлежащее вытеснению, представляет собой враждебный импульс против отца. Анализ дает нам доказательства этому, доискиваясь до происхождения идеи о кусающей лошади. Ганс видел, как упала лошадь, как упал и поранил себя приятель, с которым он играл в "лошадки". Мы вправе предположить у Ганса желание, чтобы отец упал и разбился, как лошадь и как приятель. Связь с отъездом из дома, который Ганс видел, позволяет предположить, что желание устранить отца нашло себе и менее робкое выражение. Но такое желание равноценно намерению лично устранить отца, желанию убить, содержащемуся в эдиповском комплексе.

От этого вытесненного влечения пока нет прямого пути к замене этого влечения, которую мы предполагаем в фобии лошади. Упростим психическую ситуацию маленького Ганса, устранив инфантильный момент и амбивалентность. Представим себе вместо него молодого слугу в доме, влюбленного в свою госпожу и пользующегося милостивым вниманием с ее стороны. И в этом случае остается то обстоятельство, что он ненавидит более сильного хозяина дома и хотел бы его устранить. Естественно, следствием этого положения будет то, что у него возникнет опасение мести со стороны хозяина, которое вызовет у него состояние страха перед последним, совершенно так же, как у маленького Ганса появилась фобия перед лошадью. А это значит, что страх этой фобии мы не можем считать симптомом. Если бы маленький Ганс, который влюблен в свою мать,

стал проявлять страх перед отцом, то мы не вправе были бы приписывать ему невроз, фобию. Мы имели бы дело с совершенно понятной аффективной реакцией. Эта реакция превращается в невроз благодаря только единственной черте — замене отца лошадью. Этот "сдвиг" составляет, следовательно, то, что имеет право на название симптома. Он и образует тот механизм, который позволяет разрешить амбивалентный конфликт без помощи реактивного образования. Этот процесс становится возможным и облегчается благодаря тому обстоятельству, что врожденные черты тематического мышления еще легко оживают в этом нежном возрасте. Пропасть между человеком и животным еще не вполне сознается и, несомненно не так резко подчеркиваются, как позже. Взрослый, вызывающий удивление, но также и страх, мужчина занимает место наряду с животным, которому по различным поводам завидуешь, но относительно которого предупредили, что оно может стать опасным. Амбивалентный конфликт не разрешается, таким образом, в отношении того же лица, а как бы обходится благодаря тому, что одно из его побуждений переносится, в виде замены, на другое лицо.

Все это совершенно ясно. Но в другом пункте анализ фобии маленького Ганса принес нам полное разочарование. Искажение, в котором состоит симптомообразование, совершается вовсе не над "представителем" (представлением, характеризующим содержание) влечения, подлежащего вытеснению, а над совершенно другим представлением, соответствующем только реакции на действительно неприятное. Наше ожидание было бы быстрее удовлетворено, если бы маленький Ганс вместо страха перед лошадью, проявил склонность мучить лошадей, бить их, или откровенно выражал желание видеть, как они падают, разбиваются или даже издыхают в судорогах (топанье ногами). Нечто в этом роде действительно наступает во время анализа, но занимает далеко не первое место в неврозе. Но странно, если бы он действительно проявил, как главный симптом, такую враждебность к лошади, вместо того чтобы питать ее к отцу, тогда мы не подумали бы, что у него невроз. Что-то, следовательно, тут не в порядке, или в понимании нашем вытеснения или в определении симптома. Но одно мы сейчас замечаем: если бы маленький Ганс действительно проявлял такое отношение к лошадям, то характер недопустимого агрессивного влечения вовсе не был бы изменен вытеснением, а был бы только подменен его объект.

Не подлежит никакому сомнению, что встречаются случаи вытеснения, не достигающие ничего больше такой замены объекта; при генезисе фобии маленького Ганса произошло однако нечто большее. Насколько большее — это мы узнаем из другой части анализа.

Мы уже слышали, что маленький Ганс указал, как на содержание своей фобии на представление, что его укусит лошадь. Позже мы познакомились с происхождением другого случая фобии животного, в котором внушающим страх животным был волк, имевший также значение заместителя отца. В связи со сном, у этого мальчика развился страх, что его сожрет волк, как одного из семи козлят в сказке. То обстоятельство, что отец маленького Ганса играл с ним "в лошадки", имело, безусловно, решающее влияние на выбор объекта страха. Точно также оказалось весьма вероятным, что отец моего русского пациента, подвергнутого мною анализу, когда ему было около тридцати лет, играя с ребенком, изображал волка и шутя грозил ему, что съест его. После этого я нашел третий случай молодого американца, у которого хотя и не образовалось фобии животного, но именно благодаря этому отрицательному обстоятельству больной способствует пониманию двух других случаев. Его сексуальное возбуждение вспыхнуло под влиянием рассказанной ему фантастической сказки об одном арабском вожде, преследовавшем человека из пряника (Gingerbreadman), чтобы съесть его. Он отождествил себя самого с этим съедобным человеком, в лице вождя можно было легко узнать заместителя отца, и эта фантазия стала почвой для его автоэротических поступков. Но представление о том, чтобы быть съеденным отцом, — типичное детское представление с древних времен; аналогии из мифологии (Кронос) и из жизни влечений всем известны.

Несмотря на такие подтверждения эти представления кажутся нам такими странными, что мы с недоверием можем приписать их ребенку. Нам также неизвестно, действительно ли они означают то, о чем как будто говорят, и нам непонятно, каким образом они могут стать предметом фобии. Однако аналитический опыт дает нам требуемые указания. Он учит нас, что представление о том, чтобы быть съеденным отцом, является униженным путем регрессии выражением пассивно нежных чувств: выражением желания быть любимым отцом в качестве объекта в смысле генитальной эротики. Если проследить дальше историю этого случая, то не остается никакого сомнения в правильности этого толкования. Генитальное желание ничем, правда, не выдает больше своих нежных намерений, когда оно выражено на языке преодоленной переходной фазы из оральной организации либидо к садистской. Возникает вопрос: идет ли тут речь о замене психического представителя влечения каким-нибудь регрессивным способом выражения или о действительно регрессивном унижении желания, имеющего в Оно генитальное содержание? Это вовсе не так легко решить. История болезни русского пациента решительно говорит в пользу последней, более углубленной, возможности, потому что после решающего сновидения он ведет себя "дурно", мучает всех, проявляет садистские импульсы и вскоре после того у него развивается настоящий невроз навязчивости. Во всяком случае мы убеждаемся, что вытеснение — не единственное средство, которым Я располагает для отражения неприятного влечения. Если ему удается подвергнуть влечению регрессии, то, по существу, оно энергичней обезвредило это влечение, чем это было бы возможно путем вытеснения. Однако иногда, вслед за вынужденной регрессией, Я совершает и вытеснение.

Положение вещей у русского пациента, и несколько более простое у маленького Ганса вызывает еще различные другие соображения. Но две вещи нам неожиданно становятся ясными уже теперь. Не подлежит никакому сомнению, что вытесненное при этих фобиях влечение враждебно отцу. Можно сказать, что оно вытесняется при помощи процесса превращения в противоположное. Вместо агрессивности против отца появляется агрессивность-месть отца против самого ребенка. Так как подобная агрессивность и без того коренится в садистской фазе либидо, то достаточно ей еще только некоторого понижения к оральной стадии развития, намечающегося у Ганса в представлении о том, что его укусят, а у другого пациента резко выраженного в страхе быть съеденным. Но, кроме того, анализу удается вне всякого сомнения установить, что одновременно подвергнуто вытеснению еще другое влечение противоположного характера, пассивно нежное в отношении отца, достигшее уже уровня генитальной (фаллической) организации либидо. Кажется, что последнее имеет даже большее значение для конечного результата процесса вытеснения. Оно подвергается более глубокой регрессии, оно приобретает решающее влияние на содержание фобии. Всюду, где мы проследили процесс вытеснения влечения, мы вынуждены признать совпадение двух таких процессов. Оба вытесненные влечения — садистическая агрессивность против отца и пассивно нежная установка в отношении его — составляют противоположную пару. Больше того, если хорошо вникнуть в историю маленького Ганса, то убеждаешься, что благодаря образованию фобии, у него исчезает и нежная привязанность к матери, о чем содержание его фобии ничего не говорит. У Ганса дело идет — у русского пациента это гораздо менее ясно — о процессе вытеснения, охватывающего почти все компоненты Эдипова комплекса: враждебное и нежное влечение к отцу и нежное к матери.

Для нас, желавших изучить только простые случаи образования симптомов вследствие вытеснения и остановившихся с этой целью на самых ранних и как будто наиболее ясных неврозах детства, это является нежелательным осложнением. Вместо единственного вытеснения мы нашли целую группу таковых и, кроме того, нам пришлось еще иметь дело с регрессией. Может быть, мы увеличили путаницу благодаря тому, что оба имевшихся в нашем распоряжении анализа фобии животных, маленького Ганса и русского пациента, мы непременно хотели мерить

одной меркой. Но мы замечаем и некоторое различие между ними. Только относительно маленького Ганса можно с уверенностью сказать, что благодаря своей фобии он справился с двумя главными влечениями Эдипова комплекса: агрессивным — к отцу и слишком нежным — к матери. Нежное влечение к отцу несомненно также имеется у него, оно выполняет свою роль при вытеснении противоположного влечения. Но совершенно не доказано, что оно было достаточно сильным, чтобы спровоцировать вытеснение, и что оно само потом заглохло. Ганс, по-видимому, был нормальным мальчиком с так называемым "положительным Эдиповым комплексом". Весьма возможно, что моменты, которых мы не находим, оказали и на него свое действие, но мы не в состоянии их указать. Материал даже самых подробных наших анализов все же имеет пробелы, и наша документация остается несовершенной. У русского пациента дефект имеется в другом месте: его отношение к женскому объекту нарушено преждевременным соблазном. Пассивная женская сторона сильно в нем выражена, и анализ его "волчьего" сновидения мало вскрывает преднамеренную агрессивность против отца, но зато дает неопровержимые доказательства, что вытеснение коснулось пассивной нежной установки к отцу. Возможно, что и тут принимали участие другие факторы, но они не проявляются. Если несмотря на это различие между обоими случаями — близкое к полной противоположности — результат фобии оказался один и тот же, то объяснение этому мы можем найти в чем-то совсем другом, а именно, во втором результате нашего маленького сравнительного исследования. Мы полагаем, что мотор вытеснения нам известен в обоих случаях, и роль его подтверждается тем течением, которое приняло развитие обоих детей. Он одинаков в обоих случаях, а именно: страх перед угрозой кастрации. Из страха перед кастрацией маленький Ганс отказывается от агрессивности против отца; его страх, что лошадь его укусит, легко может быть дополнен представлением, что лошадь откусит ему гениталии, кастрирует его. Но из страха перед кастрацией отказывается также и маленький русский от желания быть любимым, — как сексуальный объект — отцом, так как он понял, что такого рода отношение должно иметь своей предпосылкой лишение его гениталий, — того, что его отличает от женщины. Обе формы Эдипова комплекса (нормальная, активная и инвертированная) терпят крушение из-за кастрационного комплекса. Боязнь русского быть съеденным волком не содержит, правда, намека на кастрацию, благодаря оральной регрессии он слишком далеко отошел от фаллической фазы, но анализ его сновидения делает излишним всякое другое доказательство, полным триумфом вытеснения является также и то, что в словесном тексте фобии нет даже намека на кастрацию.

Здесь перед нами неожиданный результат: в обоих случаях мотором вытеснения оказывается кастрационный страх. Страшные представления об укусе лошади и пожирании волком представляют собой только искаженную замену представления о кастрации отцом. Собственно говоря, именно это представление и подвергается вытеснению. У русского оно выражало желание, не устоявшее против возмущения его мужских чувств, у Ганса — реакцию, превратившую его агрессивность в противоположное влечение. Но аффект страха фобии, составляющий ее сущность, происходит не из процесса вытеснения, не из либидонозной энергии вытесненных влечений, а из самой вытесняющей инстанции. Страх фобии животных — это неизмененный кастрационный страх, т. е. страх реальный, страх перед действительной опасностью, угрожающей или понимаемой, как реальная. Здесь страх создаст вытеснение, а не, как я раньше думал, вытеснение — страх.

Неприятно об этом подумать, но нельзя отрицать, что я часто защищал положения, будто, благодаря вытеснению, представление, относящееся к влечению, искажается, отодвигается и т.п., а либидо влечения превращается в страх. Исследование фобий, которые в первую очередь должны были бы доказать это положение, не подтверждает его, а скорее как будто прямо противоречит ему. Страх фобии животных — кастрационный страх Я. Менее основательно исследованная

агорафобия представляет собою, по-видимому, страх перед искушением, который генетически должен быть связан с кастрационным страхом. Большинство фобий, насколько мы об этом можем судить, сводятся к такому страху Я перед притязаниями либидо. Всегда при этом полная страха установка является первичным моментом и импульсом к вытеснению. Никогда страх не происходит из вытесненного либидо. Если бы ранее я ограничился утверждением, что после вытеснения вместо ожидаемого проявления либидо появляется некоторое количество страха, то мне не пришлось бы теперь брать свои слова обратно. Описание само по себе верно и между силой подлежащего вытеснению влечения и интенсивностью возникающего в результате его страха имеется предполагавшееся соответствие. Но, сознаюсь, я имел в виду нечто большее, чем только описание, я полагал, что открыл метапсихологический процесс непосредственного превращения либидо в страх; от этого я должен теперь отказаться. Я и раньше не мог указать, каким образом происходит такое превращение.

Откуда же я вообще взял мысль об этом превращении? Из изучения актуальных неврозов в то время, когда мы далеки еще были от того, чтобы отличать процессы в Я от процессов Оно. Я нашел, что определенные сексуальные привычки, как то, coitus interruptus, frustan'noe возбуждение, вынужденное воздержание вызывают припадки страха и общую боязливость, т.е. всегда в тех случаях, когда сексуальное возбуждение тормозится на своем пути к удовлетворению, задерживается или отклоняется от него, возникает страх. Так как сексуальное возбуждение является выражением либидонозных влечений, то предположение, что либидо под влиянием таких нарушений превращается в страх, не казалось рискованным. Это наблюдение сохраняет свою силу и по настоящее время. С другой стороны, нельзя отрицать, что либидо процессов, протекающих в Оно испытывает нарушения под влиянием вытеснения и возможно, что все-таки верно, что при вытеснении страх образуется из либидонозной энергии влечения. Но как примирить этот вывод с тем, что страх фобий представляет собой страх Я, возникает в Я и происходит не из вытеснения, а сам вызывает таковое? Это кажется противоречием, и его нелегко разрешить. Попытка свести эти два источника страха к одному не так-то легко удается. Можно попытаться сделать предположение, что Я ждет опасности от ситуации нарушенного coitus'a, прерванного возбуждения, воздержания и реагирует на это страхом. Но в этом мало пользы. С другой стороны, анализ фобии, предпринятый нами, как будто не допускает еще исправлений. Non leguet!

V.

Мы намеревались изучать симптомообразование и вторичную борьбу Я против симптома, но, очевидно, наш выбор фобии был не совсем счастливым. Страх, преобладающий в картине этой болезни, оказался для нас осложнением, скрывающим положение вещей. Имеется достаточно неврозов, при которых не проявляется никакого страха. К их числу относится настоящая конверзионная истерия, в самых тяжелых симптомах которой не находится примеси страха. Уже этот факт должен был бы сказать нам, что не следует предполагать слишком тесных взаимоотношений между страхом и симптомообразованием. Фобии стоят так близко к конверзионным истериям, что я считал себя вправе присоединить их к последним в качестве истерии страха. Но никто еще не указал условий, имеющих решающее влияние на то, принимает ли заболевание форму конверзионной истерии или фобии, никто, следовательно, не открыл условий развития страха при истерии.

Самые частые симптомы конверзионной истерии — моторный паралич, контрактура или непроизвольное действие или разряд, боль, галлюцинация, представляют собой постоянные или перемежающиеся процессы, — что составляет новые трудности для объяснения. Об этих симптомах немногое, в сущности, известно. Благодаря анализу можно узнать, какой нарушенный процесс они заменяют. По большей части оказывается, что они сами принимают участие в этом процессе так, что кажется, будто вся энергия его концентрируется только на этой, составляющей эти

симптомы, части. Боль имела место в этой ситуации, при которой произошло вытеснение; галлюцинация была тогда восприятием. Моторный паралич представляет собой отражение действия, которое должно было бы быть выполнено в том положении, но оказалось заторможенным, контрактура представляет собой обыкновенно перенесенную на другое место предполагавшуюся тогда мускульную энергию, припадок судорог выражает взрыв аффекта, освободившегося от нормального контроля Я. Весьма странным образом меняется ощущение неудовольствия, сопровождающее возникновение симптома. При постоянных, перенесенных на моторную область симптомах, как параличи и контрактуры, его обыкновенно совсем нет, Я относится к ним безучастно. При перемежающихся симптомах и относящихся к сенсорной сфере обыкновенно чувствуются естественные ощущения неудовольствия, которые в случае симптома боли могут усилиться до очень большой высоты. В этом разнообразии очень трудно найти момент, обусловливающий такие различия и дающий им общее объяснение. Также мало замечается при конверзионной истерии борьба Я против уже образовавшегося симптома. Только когда ощущение боли в каком-нибудь месте становится симптомом, это место получает возможность играть двойную роль. Симптом боли появляется с такой же несомненностью, когда до этого места дотрагиваются изнутри, а Я при этом принимает меры предосторожности и чтобы предупредить пробуждение симптома посредством внешнего восприятия. Откуда эта особенная неясность симптомообразования при конверзионной истерии — этого мы понять не можем, но она является для нас мотивом поскорее оставить эту бесплодную почву.

Обратимся к неврозу навязчивости в ожидании, что тут нам удастся больше узнать о симптомообразовании. Симптомы невроза навязчивости в общем бывают двоякого рода и воплощают противоположные тенденции. Это или запреты, меры предосторожности, покаяния, т.е. явления отрицательного характера, или, наоборот, замена удовлетворения, очень часто в символическом одеянии. Из этих двух групп отрицательная, отвергающая, наказывающая является старшей. При длительности болезни берут однако верх удовлетворения, преодолевающие всякое сопротивление. Большим триумфом симптомообразования является положение, при котором сливаются воедино запрещение и удовлетворение, так что заповедь или запрет, имевшие первоначально отрицательный характер, приобретают также значение и удовлетворения, причем для этого используются очень искусственные ассоциативные пути. В этой работе проявляется склонность к синтезу, которую мы уже признали за Я; в крайних случаях больной доходит до того, что большинство его симптомов, помимо своего первоначального значения, приобретают и прямо противоположное. Это может служить показателем могущества амбивалентности, которая, по известной нам причине, играет такую большую роль в неврозе навязчивости. В самом простом случае симптом протекает в два периода, т.е. за действием, выполняющим определенное предписание, непосредственно следует второе, уничтожающее первое, если это второе не становится прямо противоположным первому.

Два впечатления немедленно получаются при этом беглом обзоре симптомов навязчивости. Первое, — что здесь идет беспрерывная борьба против вытесненного, которая принимает все более неблагоприятный оборот для вытесняющих сил, и второе, что Я и Сверх-Я принимают здесь особенно большое участие в симптомообразовании.

Невроз навязчивости представляет собой, пожалуй, самый интересный и самый благодарный объект для аналитического исследования, — но как проблема он остается неразрешенным. Если постараемся глубже вникнуть в его сущность, то придется сознаться, что мы не можем обойтись еще без допущений, в которых нет полной уверенности, и без недоказанных предложений. Исходное положение при неврозе навязчивости пожалуй то же, что и при истерии: необходимость сопротивления либидонозным притязаниям Эдипова комплекса. Кажется также, что при всяком неврозе навязчивости имеется самый глубокий слой очень рано образовавшихся

истерических симптомов. Однако в дальнейшем форма заболевания изменяется решительным образом благодаря конституциональному фактору. Генитальная организация либидо оказывается слабой и мало резистентной. Когда Я начинает свое сопротивление, оно первым делом добивается того, что генитальная организация (фаллической фазы) отбрасывается полностью или частично на прежнюю садистско-анальную ступень. Факт регрессии имеет решающее влияние на все, что за ним следует.

Можно допустить еще и другую возможность. Может быть, регрессия является следствием не конституционального, а временного фактора. Она оказывается возможной не потому, что генитальная организация либидо слишком слаба, а потому, что сопротивление Я началось слишком рано, еще во время расцвета садистской фазы. И в этом пункте я не решаюсь с уверенностью утверждать что-либо определенное, но аналитическое наблюдение неблагоприятно для последнего предположения. Скорее, оно указывает на то, что при развитии невроза навязчивости фаллическая ступень уже достигнута. Также и возраст, при котором этот невроз возникает, более поздний, чем при истерии (второй период детства, после срока наступления латентного периода). В одном случае очень позднего развития этой болезни, который мне удалось изучить, было совершенно ясно, что реальное обесценивание нормальной до того времени половой жизни, создало условие для регрессии и для возникновения невроза навязчивости.

Метапсихологическое объяснение регрессии я нахожу в "разъединении влечений" (Triebentmischug), в выделении эротических компонентов, которые с началом генитальной фазы присоединились к деструктивным влечениям садистской фазы.

Первый успех Я в его борьбе против притязания либидо состоит в том, что оно добивается регрессии. Мы находим целесообразным отличать здесь более общую тенденцию "отражения" ("Abwehr") от "вытеснения", которое составляет только один из механизмов, находящихся в распоряжении отражения. Может быть, еще яснее, чем в нормальных истерических случаях, можно при неврозе навязчивости видеть мотор отражения в кастрационном комплексе, а в отраженном — стремление Эдипова комплекса. Тут мы находимся в начале латентного периода, отличающегося разрушением Эдипова комплекса, созданием или консолидацией Сверх-Я, возникновением этических и эстетических ограничений в Я, При неврозе навязчивости эти процессы переходят предел нормального; к разрушению Эдипова комплекса присоединяется регрессивное понижение либидо. Сверх-Я становится особенно строгим и нелюбящим, в Я из послушания по отношению к Сверх-Я развиваются сильные реактивные образования совестливости, сострадания и стремления к чистоте. С неумолимой, а потому и не всегда успешной, строгостью запрещается искушение продолжать ранний детский онанизм, который связывается в этом случае с регрессивными (анально-садистскими) представлениями, продолжая при этом воплощать некоторую непреодоленную часть фаллической организации. Внутреннее противоречие выражается в том, что именно в интересах сохранения мужественности (кастрационный страх) не допускается никакого проявления этой мужественности. Однако и это противоречие только преувеличено при неврозе навязчивости; оно имеется уже при нормальном способе разрушения Эдипова комплекса. И при неврозе навязчивости подтверждается правило, что всякая чрезмерность содержит в себе зародыш самоуничтожения, так как именно подавленный онанизм добивается в форме навязчивых действий все большего приближения к удовлетворению.

В реактивных образованиях в Я невротиков, страдающих навязчивостью, мы узнаем преувеличение нормального развития характера, и должны рассматривать их как новый механизм отражения наряду с регрессией и вытеснением. При истерии, кажется, их нет или они имеются в гораздо более слабом виде. Ретроспективно у нас возникает предположение о том, чем отличается процесс отражения при истерии. Похоже на то, что он ограничивается вытеснением, при котором Я отворачивается от неприятного влечения, предоставляя ему протекать в бессознательном и не

принимать участия в его дальнейшей судьбе. Впрочем, это положение не может быть уже так абсолютно верно, потому что нам известны случаи, при которых истерический симптом означает одновременно и осуществление требования наказания со стороны Сверх-Я. Но оно может дать представление об общем характере поведения Я при истерии.

Можно просто принять за факт, что при неврозе навязчивости образуется такое строгое Сверх-Я или же можно подумать о том, что основной чертой этой болезни является регрессия либидо, и попытаемся связать с нею и характер Сверх-Я. Действительно, Сверх-Я, происходящее из Оно, но может освободиться от влияния наступившей в Оно регрессии и разъединения влечений. Нечему удивляться, если оно становится со своей стороны более жестким, мучительным и нелюбящим.

Во время латентного периода отражение искушения онанировать составляет, по-видимому, главную задачу. Эта борьба сопровождается рядом симптомов, которые у различных лиц вновь появляются в типичной форме и в общем носят характер церемониала. Приходится пожалеть, что эти симптомы еще не собраны и систематически еще не анализированы. В качестве самых ранних продуктов невроза они скорее всего могли бы пролить свет на применяемый тут механизм симптомообразования. В них имеются уже черты, которые так губительно проявляются в наступающем позже тяжелом заболевании: они связываются с действиями, которые в дальнейшем должны быть выполнены автоматически при укладывании спать, умывании, одевании, при перемене места, проявляясь в виде склонности к повторению и к потере времени. Почему это все так происходит далеко еще не понятно: сублимирование анально-эротических компонентов играет при этом явную роль.

Момент наступления половой зрелости составляет решающий перелом в развитии невроза навязчивости. Прерванная в детстве генитальная организация возникает снова с большой силой. Но нам известно, что сексуальное развитие детства предписывает направление вторичному пробуждению сексуальности при наступлении половой зрелости. Поэтому, с одной стороны, снова просыпаются агрессивные побуждения раннего детства, а с другой стороны, большая или меньшая часть новых либидозных побуждений — в тяжелых случаях вся их совокупность — должна направиться по предуказанным регрессией путям и проявиться в виде агрессивных и разрушительных намерений. Вследствие этого преображения эротических влечений и сильных реактивных образований в Я, борьба против сексуальности ведется далее под этическим знаменем. И с удивлением восстает против жестоких и насильственных намерений, которые посылаются ему в сознание из Оно, и не подозревает, что борется при этом против эротических желаний, в том числе и таких, против которых с его стороны обычно не было бы возражений. Чрезмерно строгое Сверх-Я настаивает тем энергичней на подавлении сексуальности, что она принимает такие отталкивающие формы. Таким образом, конфликт при неврозе навязчивости обостряется в двух направлениях: отравляющая инстанция стала нетерпимей, а то, что подлежит отражению, — несносней. И то и другое под влиянием одного и того же момента регрессии либидо.

В возражение против некоторых наших предположений можно было бы указать на то, что неприятное навязчивое представление вообще становится сознательным. Однако не подлежит никакому сомнению, что оно проделало раньше процесса вытеснения. При большинстве навязчивых представлений действительная словесная формулировка агрессивного влечения остается для Я вообще неизвестной. Необходимо проделать добрую часть аналитической работы, чтобы довести ее до сознания. То, что проникает в сознание, представляет собой обычно только искаженную замену в виде расплывчатой неопределенности, как в полусне, или же измененную до неузнаваемости благодаря абсурдной маскировке. Если вытеснение не коснулось содержания агрессивного влечения, то оно все же уже наверное устранило сопровождающий его аффект. Таким образом, агрессивность воспринимается со стороны Я не как импульс, а, как говорят

больные, только как мысль, которая не должна была бы волновать. Самое удивительное то, что это все-таки не так.

Не проявившийся при восприятии навязчивого представления аффект выступает, однако, в другом месте. Сверх-Я ведет себя так, как будто не было никакого вытеснения, как будто ему известно агрессивное влечение в его настоящей словесной формуле и во всем его аффективном характере, и относится к Я, как бы исходя из этого предположения. Я, не зная за собою никакого греха, вынуждено, с другой стороны, испытывать чувство вины и нести ответственность, которую не может себе объяснить. Поставленная нам этим фактом загадка, однако, не так велика, как это кажется с первого взгляда. Поведение Сверх-Я вполне понято и противоречие в Я указывает только на то, что Я замкнулось при помощи вытеснения в отношении Оно, оставаясь доступным влияниям Сверх-Я. Возникает вопрос: почему Я не старается освободиться от мучительной критики Сверх-Я. На это можно ответить, что в большинстве случаев действительно так и бывает. Встречаются неврозы навязчивости, совершенно лишенные чувства вины. Поскольку нам удается это понять, Я освободилось от восприятия этого чувства при помощи нового ряда симптомов, мер покаяния, ограничений в наказании себя. Однако одновременно эти симптомы имеют значение неудовлетворений мазохистских влечений, также усилившихся благодаря регрессии.

Разнообразие явлений невроза навязчивости так велико, что еще никому по удалось дать общий синтез его вариаций. Стараешься выявить типичные отношения и при этом всегда возникают опасения, что не заметишь другие не менее важные закономерности.

Общую тенденцию симптомообразования невроза навязчивости я уже описал. Она состоит в том, чтобы оставить замещающему удовлетворению как можно больше места за счет отказа от него. Те же симптомы, которые первоначально означали ограничения, приобретают позже, благодаря склонности Я к синтезу, также значение удовлетворения его, и совершенно очевидно, что последнее значение симптомов становится все более влиятельным. Крайне ограниченное Я, вынужденное искать удовлетворение только в симптомах — таков результат этого процесса, все более приближающегося к полной неудаче первоначального стремления к отражению. Передвижение взаимоотношения борющихся сил в сторону удовлетворения может привести к опасному психопараличу воли Я, которое при всяком решении испытывает одинаково сильные импульсы с одной и с другой стороны. Слишком сильный конфликт межу Я и Сверх-Я', налагающий с самого начала печать на это заболевание, может до того распространиться, что ни один из механизмов Я, совершенно неспособного выполнять свою роль посредника между теми двумя инстанциями, не может избежать того, чтобы не быть втянутым в этот конфликт.

VI.

Во время этой борьбы можно наблюдать два вида деятельности Я, ведущей к образованию симптомов и заслуживающей особого интереса, потому что она, очевидно, является суррогатом вытеснения, и может поэтому быть хорошим примером тенденции и техники последнего. Может быть, мы должны видеть в появлении этих вспомогательных и замещающих технических приемов доказательства тому, что осуществление правильного вытеснения наталкивается на трудности. Если мы примем во внимание, что при неврозе навязчивости Я становится в гораздо большей мере ареной борьбы, чем при истерии, что оно крепко сохраняет свои отношения к реальности и к сознанию и при этом пользуется всеми своими интеллектуальными средствами больше; что мышление привлекает к себе большое количество энергии, эротизируется, то мы, может быть, легче поймем эти вариации вытеснения. Такими двумя видами техники являются изоляция и отрицание совершившегося.

Второе имеет большое поле применения и заходит в далекое прошлое. Оно представляет собой, так сказать, отрицательную магию, стремясь при помощи моторной символики "сдуть" не последствия события (впечатления, переживания), а само это событие. Пользуясь выражением

"сдуть", я хочу указать на то, какую роль эта техника играет не только в неврозе, но и в колдовстве, народных обычаях и в религиозном церемониале. В неврозе навязчивости отрицание совершенного встречается, во-первых, при двукратных симптомах, когда второй навязчивый акт уничтожает первый, так что в результате получается такое положение, как будто ничего не случилось, между тем как в действительности имели место оба акта. В этом намерении отрицать совершенное кроется второй корень невротического навязчивого церемониала. Первый заключается в предупреждении, в предосторожности, в том, чтобы нечто определенное не случилось, не повторилось. Разница легко понятна. Меры предосторожности рациональны, "устранение" совершившегося при помощи отрицания — иррационально, и по природе своей относится к магии. Разумеется, приходится предполагать, что этот второй корень более стар, исходит из анимистической установки к окружающей действительности. Стремление к отрицанию совершившегося, постепенно приближаясь к нормальному, выражается в решении относиться к событию, как к non arrivee. Но в последнем случае ничего не предпринимается против этого события, не думают ни о нем, ни о его последствиях, между тем как в неврозе проявляется стремление устранить самое прошлое, вытеснить его при помощи действия. Та же тенденция может дать объяснение столь частому в неврозе навязчивому повторению, при выполнении которого сталкиваются в таком случае различные противоречащие друг другу намерения. То, что случилось не таким образом, как должно было случиться соответственно желанию, делается, благодаря повторению, другим образом, как бы не случившимся, и к этому присоединяются все мотивы, побуждающие остановиться на этих повторениях. В дальнейшем течении невроза тенденция представить не случившимся травматическое переживание оказывается перворазрядным мотивом к образованию симптома. Таким образом, пред нами неожиданно открывается понимание новой моторной техники отражения или, как мы можем сказать в данном случае с большей точностью, вытеснения.

Второй технический прием, который нужно впервые описать, представляет собой свойственная только неврозу навязчивости изоляция. Она также относится к моторной сфере и состоит в том, что после неприятного события так же, как и после значительного, с точки зрения невроза, собственного действия, делается пауза, во время которой ничего больше не должно случиться, не должно быть получено никакое восприятие, не выполнено никакое действие. Это странное с первого взгляда поведение скоро выдает свое отношение к вытеснению. Нам известно, что при истерии возможно подвергнуть амнезии травматизирующее впечатление, а при неврозе навязчивости это часто не удается. Переживание не забыто, но лишено своего аффекта, а его ассоциативные отношения подавлены или прерваны, так что оно остается как бы изолированным и не воспроизводится также и в процессе мышления. Эффект этой изоляции тот же, что и при вытеснении с амнезией. Эта техника воспроизводится в изоляциях невроза навязчивости, но при этом, однако, с магическим намерением, усиливается при помощи каких-либо действий. То, что таким образом разъединяется, составляет именно то, что ассоциативно связано, моторная изоляция должна быть гарантией разрыва связи в мышлении. Поводом к такому приему невроза служит нормальный процесс концентрации. То, что нам кажется значительным впечатлением или проблемой, не должно быть нарушено одновременными притязаниями на наше внимание (прим. переводч.) других процессов мышления или деятельности. Но уже в пределах нормального пользуются концентрацией внимания для того, чтобы отделить не только безразличное, к делу не относящееся, но, в первую очередь, не подходящее, противоположное. Больше всего воспринимается как нечто мешающее то, что первоначально составляло одно целое и было разъединено благодаря прогрессу развития, например, проявления амбивалентности отцовского комплекса в отношениях к богу или побуждения, исходящие из экскреторных органов при любовных возбуждениях. Таким образом, Я нормально должно совершать большую изоли-

рующую работу, направляя течение мыслей, и мы знаем, что при выполнении аналитической техники нам приходится прямо воспитывать Я, чтобы заставить его на время отказаться от этой, в других случаях безусловно правильной, функции.

Все мы на опыте убедились, что невротику, страдающему навязчивостью, особенно трудно выполнять основное психоаналитическое правило. Вероятно вследствие высокого напряжения конфликта между его Сверх-Я и его Оно, его Я стало более бдительным и изоляции его более утонченными. Выполняя работу мышления, оно вынуждено слишком часто отвергать примесь бессознательных фантазий, проявление амбивалентных стремлений. Оно должно быть всегда настороже, находиться беспрерывно в боевой готовности. Эту вынужденную концентрацию и изоляцию оно подкрепляет еще магическими актами изоляции, которые становятся в качестве симптомов такими странными, а практически приобретают такое значение, хотя сами по себе, разумеется, совершенно бесполезны и имеют характер церемониала.

Стремясь не допустить ассоциацию и связи в мыслях, Я выполняет, однако, одну из самых старых и основных заповедей невроза навязчивости, табу неприкосновения. Если поставить вопрос, почему стремление избежать прикосновения, контакта, заразы играет такую большую роль в этом неврозе и становится содержанием столь сложных систем, то приходится ответить, что прикосновение, телесный контакт составляет ближайшую цель как агрессивного, так и любовного овладевания объектом. Эрос желает прикосновения, стремясь к соединению, к устранению пространственных границ между Я и любимым объектом. Но также и уничтожение, которое до изобретения огнестрельного оружия могло происходить только вблизи, предполагает телесное прикосновение, "рукоприкладство". Прикоснуться к женщине стало в нашем языке эвфемизмом использования ее в качестве сексуального объекта. Не прикасаться к органу - так дословно гласит запрещение автоэротического удовлетворения. Так как невроз навязчивости преследует эротическое прикосновение, а затем, после регрессии, прикосновения, маскирующего агрессивность, то для него нет ничего более недопустимого, более пригодного сделаться центром запретительной системы (чем прикосновения — прим. переводч.). Изоляция же является устранением возможности контакта, средством не допустить какого бы то ни было прикосновения к вещи. И если невротики изолируют при помощи паузы также и впечатление или деятельность, то этим они нам символически говорят, что не хотят допустить ассоциативного прикосновения и в мыслях.

Таковы достижения наших исследований симптомообразования. Вряд ли стоит их резюмировать, они оказались бедными по результату и неполными и дали мало такого, что прежде уже не было известно. Не обещают успеха и исследования симптомообразований других заболеваний, конверзионной истерии и невроза навязчивости; о них еще очень мало известно, но уже сопоставление этих трех неврозов выдвигает крупную проблему, требующую немедленного рассмотрения. Во всех трех разрушение Эдипова комплекса оказывается исходным пунктом и во всех их, как мы полагаем, кастрационный страх становится мотором сопротивления Я. Но только в фобиях этот страх проявляется, открыто признается. Что же стало с ним в других формах, как защищается Я от этого страха? Проблема еще усложняется, если припомнить упомянутую выше возможность, что страх происходит благодаря своего рода переброжению из самого либидо, заторможенного в своем течении. И далее: не подлежит ли уже никакому сомнению, что кастрационный страх является единственным мотором вытеснения (или отражения)? Если подумать о неврозах у женщин, то в этом приходится усомниться, потому что с какой бы несомненностью не удалось констатировать у них кастрационный комплекс, нельзя говорить о кастрационном страхе в настоящем смысле тогда, когда кастрация уже совершена.

VII.

Вернемся к инфантильным фобиям животных; мы понимаем эти случаи все же лучше, чем

все другие. Здесь Я вынуждено противиться либидозной привязанности Оно к объектам (положительному или отрицательному Эдипову комплексу), потому что Я поняло, что уступка повлекла бы за собой опасность кастрации. Об этом у нас уже шла речь, и мы пользуемся теперь поводом выяснить еще одно сомнение, оставшееся у нас от этой первой дискуссии. Следует ли нам у маленького Ганса (т. е. в случае положительного эдиповского комплекса) допустить, что сопротивление Я вызвано нежным влечением к матери или агрессивным к отцу? Казалось бы, что это безразлично с практической точки зрения, особенно потому, что оба влечения обусловливают одно другое. Однако с этим вопросом связывается теоретический интерес, потому что только нежное чувство к матери может считаться чисто эротическим. Агрессивное же, по существу, зависит от влечения к разрушению, а мы всегда полагали, что в неврозе Я противится притязаниям либидо, а не других влечений. В действительности мы видим, что после образования фобий исчезла нежная привязанность к матери, основательно уничтоженная вытеснением, а образование симптома (замещение) произошло из агрессивного влечения. В случае фобий волка дело обстоит проще, вытесненным влечением, действительно эротического характера, является женственная установка к отцу и над ним и происходит симптомообразование.

Прямо стыдно, что после столь длительной работы мы все еще наталкиваемся на трудности в понимании самых основных отношений, но мы решились ничего не упрощать и ничего не скрывать. Если мы не в состоянии ясно видеть, то хотим, по крайней мере, точно видеть неясность.[4] Нам ставит препятствие, очевидно, какая-то неровность в развитии нашего учения о влечениях. Сначала мы проследили организации либидо от оральной ступени в развитии через садистско-анальную к генитальной, считая при этом равными все компоненты сексуального влечения. Впоследствии садизм оказался представителем другого влечения, противоположного эросу. Новое понимание двух групп влечений как будто бы уничтожает прежнюю конструкцию последовательных фаз организации либидо. Удовлетворительное объяснение этому затруднению нам незачем однако снова искать, оно нам уже давно известно. Оно состоит в том, что нам почти никогда не приходится иметь дело с чистыми влечениями, а постоянно со смесями обоих влечений в различных количественных соотношениях. Садистская привязанность к объекту имеет поэтому также право рассматриваться как либидозная. Организации либидо не должны быть пересмотрены, и агрессивное влечение к отцу может с таким же правом стать объектом вытеснения, как и нежное к матери. Тем не менее, оставляя в стороне, как материал для последующего обсуждения, возможность того, что вытеснение является процессом, имеющим особое отношение к генитальной организации либидо, и что Я пользуется другими методами отражения, когда вынуждено противиться либидо на других ступенях организации, — будем продолжать ход наших мыслей. Случай вроде маленького Ганса не дает возможности окончательного суждения. Здесь, хотя и уничтожается агрессивное влечение посредством вытеснения, но уже после того, как достигнута генитальная организация.

На этот раз мы не упустим из виду отношение к страху. Мы сказали уже, что как только Я видит опасность кастрации, Оно даст сигнал страха и при помощи инстанции "удовольствия — неудовольствия" прекращает, неприятным пока образом, опасный процесс в Око. Одновременно происходит образование фобии. Кастрационный страх получает другой объект и искаженное выражение в виде опасения быть укушенным лошадью (съеденным волком) вместо — быть кастрированным отцом. Образование замещения имеет два явных преимущества: во-первых, оно избегает амбивалентного конфликта, так как отец представляет собой одновременно и любимый объект, — и, во-вторых, оно позволяет Я приостановить развитие страха. Страх фобии факультативен, он возникает только тогда, когда объект его становится предметом восприятия. Да это и вполне правильно: только в таком случае имеется опасная ситуация. От отсутствующего отца не приходится опасаться и кастрации. Однако отца невозможно устранить, он появляется

снова, когда хочет. Если же он замещен животным, то достаточно избегать вида, т.е. присутствия животного, чтобы освободиться от страха. Маленький Ганс налагает, таким образом, ограничение на свое Я, образуя торможение, не дающее ему выходить на улицу, чтобы не встретиться с лошадьми. Маленькому русскому пациенту еще удобнее, для него не составляет почти никакого лишения то обстоятельство, что он в руки не берет определенную книгу с картинками. Если бы скверная сестричка не подсовывала ему картинку, изображающую волка, стоящего на задних лапах, то он чувствовал бы себя в полной безопасности в отношении страха.

Я как-то прежде приписал фобии характер проекции, так как она заменяет внутреннюю опасность влечения внешней опасностью восприятия. Это дает то преимущество, что от внешней опасности можно защититься бегством и стремлением избежать этого восприятия, между тем как от внутренней опасности никакое бегство не помогает. Мое замечание, по существу, верно, но остается на поверхности. Притязание влечения представляет опасность не само по себе, а только потому, что влечет за собой настоящую внешнюю опасность — кастрацию. Таким образом, в сущности, при фобии одна внешняя опасность только и заменяется другой, такою же. То обстоятельство, что Я при фобии легко может, избегая восприятия объекта или посредством торможения симптома, освободиться от страха, вполне соответствует взгляду, что страх представляет собой только сигнальный аффект и что в положении экономических сил психики при нем ничего не меняется.

Страх фобии животных представляет собой, таким образом, аффективную реакцию Я на опасность. Опасность же, которая здесь сигнализируется, — это кастрация. В данном случае нет другого отличия от реального страха, который Я нормально проявляет в ситуации опасности, как только то, что содержание страха остается бессознательным и осознается только в искаженном виде.

Тот же взгляд, как я полагаю, окажется верным и в отношении фобии взрослых, хотя материал перерабатываемый неврозами, гораздо содержательней, и при образовании симптомов привходят еще некоторые другие моменты. По, по существу, это одно и то же. Агорафобик налагает ограничение на свое Я, чтобы избежать опасности влечения. Эта опасность влечения состоит в покушении поддаться своим эротическим соблазнам, следствием чего возникла бы снова, как в детстве, опасность кастрации или какая-либо другая ей аналогичная. Как пример, приведу случай молодого человека, который стал агорафобиком из опасения, что не устоит перед соблазном проституток и заразится в наказание сифилисом.

Я прекрасно знаю, что во многих случаях структура гораздо более сложна и что много других вытесненных влечений сливаются в фобии, но все они имеют только вспомогательный характер и в большинстве случаев вступили впоследствии в связь с ядром невроза. Симптоматика агорафобии усложняется благодаря тому, что Я не довольствуется отказом от чего бы то ни было; оно еще что-то добавляет, чтобы лишить ситуацию элемента опасности. Это добавление обыкновенно состоит во временной регрессии к эпохе детских лет (в крайних случаях вплоть до ситуации в материнском чреве, до того времени, когда была полная защита от угрожающих теперь опасностей) и является условием, при котором возможно избегнуть вынужденного отказа. Так, например, агорафобик может выйти на улицу, если, как маленький ребенок, он идет в сопровождении лица, пользующегося его доверием. Подобное же соображение может дать ему возможность выходить одному на улицу, если он только не удалится дальше определенного расстояния от своего дома, не зайдет в незнакомую местность, где люди его не знают. В выборе этих условий проявляется влияние инфантильных моментов, которые овладели им при помощи его невроза. Совершенно понятна и без такой инфантильной регрессии фобия оставаться одному, стремящаяся, в сущности, избежать искушения предаваться в одиночестве онанизму. Условием инфантильной регрессии является, разумеется, временное отдаление от детства.

Фобия обыкновенно возникает после того, как, при известных обстоятельствах, на улице, в вагоне железной дороги, в одиночестве — случился первый припадок страха. Страх тогда оказывается связанным с представлением об этих ситуациях, но возникает всякий раз снова, когда не выполняются защитные условия. Механизм фобии, как защитное средство, оказывает большие услуги больному и проявляет склонность к устойчивости. Продолжение борьбы, направленной теперь против симптома, встречается часто, но не обязательно.

То, что мы узнали о страхе при фобиях, может быть использовано и для невроза навязчивости. Не трудно свести ситуацию невроза навязчивости к таковой при фобиях. Мотором всех последующих симптомообразований здесь, очевидно, является страх Я перед своим Сверх-Я. Враждебность Сверх-Я представляет ту ситуацию опасности, которой старается избежать Я. Здесь отсутствует всякая видимость проекции, опасность безусловно исходит изнутри. Но если мы себя спросим, чего же Я опасается со стороны Сверх-Я, то приходится остановиться на мысли, что наказание со стороны Сверх-Я представляет собой продолжение наказания кастрацией. Подобно тому как Сверх-Я воплощает ставшего безличным отца, так и страх перед исходящей от последнего угрозой кастрацией превратился в неопределенный социальный страх или страх перед своей совестью. Но этот страх прикрыт, Я избегает его, послушно выполняя возложенные на него приказы, меры предосторожности и покаянные действия. Если ему в этом препятствуют, немедленно возникает крайне мучительное беспокойство, в котором мы можем видеть эквивалент страха и которое больные сами отождествляют со страхом. В результате мы получаем страх как реакцию на ситуацию опасности. От этого страха можно уберечься тем, что Я что-то совершает, чтобы избежать этой ситуации или увильнуть от нее. Можно было бы сказать, что симптомы создаются для того, чтобы избежать развития страха, но это не дает еще возможности глубже вникнуть в сущность процесса. Правильней сказать, что симптомы создаются для того, чтобы избежать ситуации опасности, которая сигнализируется развитием страха. Опасность же в исследованных до сих пор случаях состояла в кастрации или в чем-то, что с ней было связано.

Если страх является реакцией Я на опасность, то вполне естественно понимать травматический невроз, возникающий так часто вслед за пережитой опасностью для жизни, как прямое следствие страха за жизнь или страха смерти, принимая во внимание кастрацию и зависимость Я от других психических инстанций. Так именно и поступило большинство исследователей травматических неврозов в последнюю войну, и с триумфом было оповещено, что теперь приведено доказательство, будто угроза влечению к самосохранению может повлечь за собой невроз без какого бы то ни было участия сексуальности и без сложных положений психоанализа. Действительно, приходится крайне пожалеть, что у нас нет ни одного пригодного анализа травматического невроза. И не из-за возражения против этиологического значения сексуальности. Это возражение устранено давно благодаря введению нарциссизма, который сравнивает либидозные привязанности к Я с привязанностями к объектам и подчеркивает либидозную природу влечения к самосохранению. Но приходится жалеть о том, что отсутствие таких анализов лишает нас самых ценных возможностей получить решающие указания на взаимоотношение между страхом и симптомообразованием. Судя по тому, что нам известно о структуре более простых неврозов обыденной жизни, весьма невероятна возможность возникновения невроза только вследствие объективного факта угрожающей опасности без участия более глубоких бессознательных слоев душевного аппарата. А в бессознательном ничего нет такого, что могло бы дать содержание нашему понятию об уничтожении жизни. Всякий может себе, так сказать, представить кастрацию, благодаря ежедневному опыту отделения содержания кишечника и благодаря пережитому при отлучении от материнской груди. Но ни у кого не было никогда переживания, подобного смерти, а обморок не оставляет никаких видимых следов в психике. Я настаиваю поэтому на предположении, что страх смерти приходится понимать, как

нечто аналогичное кастрационному страху, и что ситуация, на которую Я реагирует страхом смерти, представляет собой состояние, при котором Я чувствует себя оставленным защищающим его Сверх-Я, олицетворяющим судьбу, — и с этим наступает конец уверенности в защите от всех опасностей. Кроме того, необходимо принять еще во внимание, что при переживаниях, ведущих к травматическому неврозу, нарушается "внешняя защита от опасностей" (Reizschutz) и душевный аппарат подвергается воздействию слишком больших количеств возбуждения, так что тут создается еще вторая возможность: страх не только сигнализируется в качестве аффекта, но и снова возникает благодаря экономическим условиям, возникающим в психике вследствие переживаемой ситуации. Благодаря последнему замечанию, что Я подготовляется к кастрации под влиянием регулярно повторяющихся потерь объектов, у нас возникает новый взгляд на страх. Если до сих пор мы рассматривали страх, как аффективный сигнал опасности, то теперь он нам кажется реакцией на потерю, разлуку, если принять во внимание, что так часто речь идет об опасности кастрации. Если кое-что и говорит против такого вывода, то все же в глаза бросается следующее замечательное сходство. Первое переживание страха, по крайней мере у человека, составляет рождение. Оно объективно означает отделение от матери и могло бы быть поэтому сравниваемое с кастрацией матери (согласно равенству ребенок — penis). Можно было бы быть довольным, если бы оказалось, что страх, как символ разлуки, повторяется впоследствии при всякой разлуке. К сожалению, однако, использованию этого совпадения препятствует то обстоятельство, что субъективно рождение не переживается, как разлука с матерью, потому что мать как объект, совершенно неизвестна абсолютно нарцистическому фетусу. Другое соображение говорит, что нам известны аффективные реакции на разлуку и что мы их ощущаем, как боль и печаль, — а не как страх. Однако вспомним, что при исследовании печали мы также не могли понять, почему она причиняет такую боль.

VIII.

Пора опомниться. Мы ищем определенного понимания, указывающего нам сущность страха, альтернативы: или-или, — отличающей истину от заблуждения, но это трудно найти. Чувство страха не дается нашему пониманию. Пока мы вскрыли только ряд противоречий, между которыми без определенной точки зрения нет возможности сделать выбор. Теперь я предлагаю поступить иначе. Сопоставим совершенно объективно все, что можно сказать о страхе, отказавшись от надежды на скорый синтез.

В первую линию страх представляет собой нечто ощущаемое. Мы его называем аффективным состоянием, хотя также не знаем, что такое аффект. Как ощущению, страху свойственен совершенно очевидный признак неприятного, но этим не исчерпывается его качество: не все, что имеет характер неприятного, мы можем назвать страхом. Имеются еще и другие ощущения неприятного характера (напряжение, боль, печаль) и страх, помимо этого качества неприятного, должен обладать еще другими особенностями. Возникает вопрос: удастся ли нам понять различие между этими разнообразными аффектами? Из ощущения страха мы можем все же кое-что выделить. Его неприятный характер как будто бы имеет некоторую особенность. Это трудно доказать, но кажется весьма вероятным, и в этом не было бы ничего удивительного. Но, кроме этого трудно поддающегося выделению особенного признака, мы замечаем при страхе определенные физические ощущения, которые мы связываем с определенными органами. Так как физиология нас здесь не интересует, то нам достаточно выделить отдельных представителей этих телесных ощущений, т.е. самых ясных и самых частых, исходящих из органов дыхания и сердца. Они служат нам доказательством того, что моторные иннервации, т.е. процессы, отводящие возбуждение, принимают участие в общем аффекте страха. Анализ состояния страха открывает, следовательно, следующие моменты: во-первых, специфический характер неприятного, во-вторых, реакцию отвода возбуждения и, в-третьих, восприятие этих моментов.

Пункты второй и третий указывают уже на отличие от подобных состояний, например печали или боли. Последние не сопровождаются моторными проявлениями, а в тех случаях, где такие проявления встречаются, они ясно выделяются не как составные части целого, а как последствие или реакция на него. Страх представляет собой, таким образом, особенное неприятное состояние, связанное с реакциями отвода раздражения на определенные нервные пути. Согласно общих наших воззрений мы предположим, что в основе страха лежит повышение возбуждения, создающее, с одной стороны, характер неприятного, а с другой стороны, находящее выход в упомянутых отводящих путях. Но вряд ли нас удовлетворит это чисто физиологическое обобщение. Нас соблазняет предположение, что имеется еще исторический момент, тесно связывающий эти ощущения и иннервации страха. Другими словами, состояние страха является репродукцией переживания, содержащего предпосылки такого повышения раздражения и его отвода на определенные нервные пути, благодаря чему неприятное чувство при страхе приобретает свой специфический характер. Таким переживанием, имеющим значение прообраза, для человека оказывается рождение, и потому мы склонны видеть в состоянии страха репродукцию травмы рождения.

Этим мы не сказали ничего такого, что уделило бы страху исключительное положение среди аффективных состояний. Мы полагаем, что и другие аффекты представляют собой репродукции важных для жизни старых, возможно доиндивидуальных, событий и приравниваем их в качестве общих, типичных, врожденных исторических припадков к позже и индивидуально приобретенным атакам истерического невроза, происхождение и значение которых как символов воспоминаний, нам стало понятно благодаря анализу. Было бы, разумеется, чрезвычайно желательно привести доказательства этого взгляда для ряда других аффектов, но до этого нам, однако, теперь далеко.

Положение, сводящее страх к событию рождения, необходимо защитить от легко напрашивающихся возражений. Страх — свойственная всем организмам реакция, во всяком случае всем высшим, между тем как рождение переживается только млекопитающими и подлежит еще сомнению, имеет ли оно у всех их значение травмы. Встречается, следовательно, страх без прообраза рождения. Но это возражение выходит за границу, отделяющую биологию от психологии. Именно потому, что страх должен выполнить и необходимую биологическую функцию: реакцию на положение, составляющую опасность, — он может у различных живых существ иметь различного рода структуру. Нам также неизвестно, сопровождается ли он у далеко отстоящих от человека живых существ тем же содержанием в смысле физических ощущений и иннервации: это не препятствует поэтому, чтобы страх у человека имел своим прообразом процесс рождения.

Если такова структура и таково происхождение страха, то возникают следующие вопросы: в чем его функция? При каких условиях он воспроизводится? Ответ кажется простым и не допускающим сомнения. Страх возникает, как реакция на положение, составляющее опасность, он регулярно воспроизводится, когда снова создается такое состояние.

По этому поводу необходимо заметить следующее: иннервации первоначального состояния страха имели, вероятно, точно такой же определенный смысл и целесообразность, как мускульные реакции первого истерического припадка. Если хочешь объяснить истерический припадок, то достаточно найти ситуацию, при которой соответствующие движения составляли часть оправдываемого условиями действия: так, вероятно, во время рождения направление иннервации на органы дыхания подготовило деятельность легких, ускорение сердцебиения, чем противодействовало отравлению крови. Эта целесообразность отпадает, разумеется, при последующих репродукциях состояния страха, как аффекта, точно так же, как она отсутствует при повторном истерическом припадке. Если, таким образом, индивид попадает в новую ситуацию

опасности, то легко может оказаться нецелесообразным, что он отвечает состоянием страха — реакцией на прежнюю опасность, вместо того, чтобы реагировать адекватно теперешнему положению; однако целесообразность снова проявляется, когда узнается приближение ситуации опасности и сигнализируется вспышкой страха. В таком случае страх может немедленно смениться соответствующими мероприятиями. Таким образом, с самого начала выявляются две возможности появления страха: одна нецелесообразная в новой ситуации опасности, другая целесообразная для сигнализации и предупреждения об опасности.

Однако что такое "опасность"? При акте рождения имеется объективная опасность для сохранения жизни. Нам известно, что это означает в реальности. Но психологически нам это ничего не говорит. Опасность при рождении не имеет психического содержания. Мы, несомненно, не можем допустить у новорожденного ничего хотя бы отдаленно приближающегося к какому бы то ни было знанию возможности исхода акта рождении уничтожением жизни. Фетус не может ничего другого заменить, кроме огромного нарушения в экономии своего нарцистического либидо. Большие количества возбуждения проникают к нему, вызывают неизвестные неприятные ощущения, некоторые органы требуют привлечения повышенной концентрации психической энергии (Besetzung), что представляет собой как бы интродукцию к последующей вскоре концентрации этой энергии на объектах: что же из всего этого найдет себе применение как признак "ситуации опасности"?

К сожалению, мы слишком мало знаем о душевном состоянии новорожденного, чтобы дать прямой ответ на вопрос. Я не могу даже ручаться, что данное выше описание чего-нибудь стоит. Легко сказать, что новорожденный воспроизведет аффект страха во всех ситуациях, напоминающих ему событие рождения. Решающее значение однако будет иметь момент: чем и о чем эти ситуации ему напоминают.

Нам ничего другого не остается, как изучить те поводы, при которых младенец или немного старший ребенок проявляет склонность к страху. Rank в своей книге "Das Trauma der Geburt" сделал очень энергичные попытки доказать отношение самых разных фобий ребенка к событиям при рождении. Я не могу, однако, считать эту попытку удачной. Его можно упрекнуть в двух вещах: во-первых, что он основывается на предположении, что у ребенка имеются определенные чувственные впечатления, особенно зрительного характера, воспринятые во время рождения, возобновление которых может вызвать воспоминание о травме при рождении и вместе с тем реакцию страха. Это предположение совершенно не доказано и весьма вероятно, трудно допустить, чтобы у ребенка сохранились от процесса рождения какие-нибудь другие ощущения, кроме тактильных и общих. Если впоследствии ребенок испытывает страх перед маленькими животными, исчезающими в отверстиях или выползающими из них, то Rank объясняет эту реакцию восприятием аналогии, которая, однако, ребенком замечена быть не может. Во-вторых, Rank в оценке этой позднейшей ситуации страха приписывает, в зависимости от необходимости, этот аффект воспоминанию о счастливом внутриутробном существовании или о травматическом нарушении этого существования, — чем открывается широкая возможность произволу в толковании. Отдельные случаи этого детского страха прямо противоречат применению принципа Rank'a. Если ребенок находится в темноте и в одиночестве, то следовало бы ожидать, что он с удовлетворением примет это вознаграждение внутриутробной ситуации, и если факт, что он именно в этом случае реагирует страхом, объясняется воспоминанием о нарушении этого счастья актом рождения, то нельзя не признать искусственности этого объяснения.

Я должен прийти к выводу, что самые ранние детские фобии не могут быть непосредственно объяснены впечатлением при акте рождения и вообще до сих пор не находили себе объяснения. Известная готовность младенца испытывать страх совершенно очевидна. Она не проявляется с наибольшей силой непосредственно после рождения — с тем чтобы медленно идти

на убыль, а возникает позже вместе с прогрессом психического развития и держится в течение определенного периода детства. Если такие ранние фобии длятся дольше определенного срока, то должно возникнуть подозрение в существовании невротического нарушения, хотя отношение этих фобий к более поздним явным неврозам детского возраста никоим образом нам не ясно.

Лишь немногие случаи проявления детского страха нам понятны и их мы должны будем держаться: например, если ребенок находится один или в темноте или если вместо близкого ему лица (матери) находит кого-нибудь чужого. Эти три случая сводятся к одному только условию, к отсутствию любимого (желанного) лица. Но этим открывается путь к пониманию страха и к устранению противоречий, которые как будто бы в этом вопросе возникали.

Воспоминание образа желанного лица переживалось, несомненно, интенсивно, сначала, вероятно, галлюцинаторно. Но это ни к чему не приводило и кажется вероятным, что эта тоска превращается в страх. Получается непосредственное впечатление, будто этот страх является выражением беспомощности, будто это еще весьма неразвитое существо не может совладать со своей тоской. Страх кажется, таким образом, реакцией на отсутствие объекта, и у нас возникает аналогия с кастрационным страхом, имеющим своим содержанием также разлуку с чрезвычайно ценным объектом и с первоначальным страхом ("нервный страх" при рождении) (die "Urangst" der Geburt), возникшим при отделении от матери.

Дальнейшие соображения ведут дальше этого подчеркивания потери объекта. Если младенец требует появления матери, то ведь только потому, что ему уже из опыта известно, что она без задержек удовлетворяет все его потребности. Ситуация, которую он оценивает как "опасность", от которой он ищет защиты, является, таким образом, неудовлетворенность, нарастание напряжения потребности, против которого он беспомощен. Полагаю, что с этой точки зрения все становится понятным. Ситуация неудовлетворенности, при которой все раздражения достигают мучительной высоты и не могут быть преодолены посредством психической переработки и отвода их на реактивные иннервации, должна быть для младенца аналогична переживаниям при рождении, воспроизведением той ситуации опасности. Общим в обоих положениях является экономическое нарушение и нарастание силы раздражений, требующих разрешения. Этот момент составляет, в сущности, ядро "опасности". В обоих случаях возникает реакция страха, оказывающаяся еще целесообразной у младенца, так как направление оттока раздражений, отводящего энергию раздражений на мускулатуру дыхания и голоса, привлекает мать, подобно тому, как раньше возбудила деятельность легких для устранения внутренних раздражений. Кроме этого сигнала опасности, ребенку больше нечего сохранить от акта своего рождения.

Когда опыт показывает, что внешний доступный восприятию объект может положить конец опасной ситуации, напоминающей рождение, то содержание опасности переносится из экономической ситуации на его условие — потерю объекта. Отсутствие матери становится опасностью, при возникновении которой младенец дает сигнал страха еще до наступления опасной экономической ситуации. Это превращение означает первый большой успех в отношении заботы о самосохранении и одновременно содержит переход от автоматически непроизвольного возникновения страха к преднамеренной репродукции его, как сигнала на опасность.

В обоих отношениях, как в качестве автоматического феномена, так и в качестве спасающего сигнала, страх оказывается продуктом психической беспомощности младенца, являющейся естественной параллелью его биологической беспомощности. Замечательное совпадение, что как страх при рождении, так и страх младенца заключает в себе условие отделения от матери, не нуждается в психологическом толковании. Оно объясняется довольно просто биологически тем фактом, что мать, удовлетворявшая все потребности фетуса устройством своих внутренностей, продолжает выполнять ту же функцию, отчасти другими средствами, также после рождения. Внутриутробная жизнь, а также младенческий период составляют в гораздо боль-

шей степени непосредственное продолжение одно другого, чем это нам кажется, благодаря акту рождения. Психический материнский объект заменяет ребенку биологическую внутриутробную ситуацию. Но из-за этого нельзя забывать, что во время внутриутробной жизни мать не была объектом и что тогда объектов еще не было.

Совершенно очевидно, что при таких взаимоотношениях нет места отреагированию травмы рождения и что нельзя найти другой функции страха, кроме как сигнала к избежанию ситуации опасности. Условие возникновения страха вследствие потери объекта ведет однако еще дальше. И дальнейшее превращение страха — наступающий в фаллической фазе кастрационный страх — представляет собой страх разлуки и связан с тем же условием. Опасность состоит здесь в отделении от гениталий. Совершенно верная, по-видимому, мысль Ferenczi дает нам возможность, ясно видеть здесь линию связи с прежними содержаниями ситуации опасности. Высокая нарцистическая оценка penic'a может оправдываться тем, что обладание этим органом заключает в себе залог будущего воссоединения с матерью (заместительницей матери) в акте coitus'a. Лишение этого органа является как бы вторичной разлукой с матерью и имеет, таким образом, опять-таки значение состояния беспомощности в отношении очень неприятного напряжения потребности (как при рождении). Потребность, нарастание которой внушает опасение, имеет уже специальный характер генитального либидо, а не какого либо иного, как в младенческом возрасте. Прибавлю еще здесь, что фантазия о возвращении в материнскую утробу составляет замену coitus'a у импотентного (заторможенного угрозой кастрации). В смысле Ferenczi можно сказать, что индивид, собирающийся заменить себя при возвращении в материнскую утробу своим генитальным органом, заменяет регрессивным путем этот орган всей своей особой.

Дальнейшее развитие ребенка, увеличение его независимости, более точная дифференциация его душевного аппарата на несколько инстанций, появление новых потребностей, не могут остаться без влияния на содержание ситуации опасности. Мы видели эволюцию последнего от потери материнского объекта к кастрации и можем проследить дальнейший шаг, причиной которому является могущество Сверх-Я. При обезличении родительской инстанции, внушающей страх кастрации, опасность становится еще более неопределенной. Страх кастрации развивается в страх перед совестью, в социальный страх. Теперь уже не легко указать, какие опасения связаны со страхом. Формула: "разлука (утеря), изгнание из орды" относится только к той более поздней части Сверх-Я, которая развилась под влиянием социальных образов, а не к ядру Сверх-Я, соответствующему интроецированной родительской инстанции. Выражаясь более обще, — Я расценивает, как опасность, гнев и наказание утерей любви со стороны Сверх-Я и отвечает на это сигналом страха. Последней эволюцией этого страха перед Сверх-Я кажется мне страх смерти (за жизнь) — страх проекции Сверх-Я во вне в виде силы рока.

Прежде я придавал известное значение описанию, изображающему дело так, будто связанная до того энергия (Besetzung), освободившаяся при вытеснении, получает применение в виде оттока наружу чувства страха. Теперь это мне кажется вряд ли стоящим внимания. Различие состоит в том, что я прежде полагал, будто страх в каждом случае возникает автоматически, вследствие экономического процесса, между тем как теперешний взгляд на страх, как на преднамеренный сигнал со стороны Я, с целью оказать влияние на инстанцию "наслаждение - неудовольствие" (Lust — Unlust), освобождает нас от этой экономической зависимости. Разумеется нельзя ничего возразить против предположения, что Я для возбуждения страха пользуется энергией, освободившейся при вытеснении, но не имеет никакого значения, с какой именно частью энергии это совершается.

Другое высказанное мною некогда положение требует пересмотра в свете нашего нового понимания. Я имею в виду утверждение, что Я является местом развития страха, и полагаю, что оно окажется верным. У нас действительно нет никакого основания приписывать Сверх-Я какое

бы то ни было выражение страха. Но если речь идет о "страхе Оно", то приходится не возражать, а только исправить неудачное выражение. Страх представляет собой аффективное состояние, которое, разумеется, может испытать только Я. Оно не может, подобно Я, испытывать страха, так как Оно не представляет собой организации и не может судить о ситуации опасности. Но очень часто случается, что в Оно подготовляются и совершаются процессы, которые дают Я повод к развитию страха. Действительно, вероятно, самые ранние вытеснения, как и большинство позднейших, мотивированы таким страхом Я перед отдельными процессами Оно. Мы опять-таки с полным основанием различаем оба случая, когда (в одном случае) что-то совершается в Оно, что активирует одну из ситуаций опасности для Я, заставляя Я для предотвращения дать сигнал, — от другого случая, когда в Оно возникает ситуация, аналогичная травме при рождении, при которой автоматически появляется реакция страха, различие между обоими случаями уменьшается, если подчеркнуть, что второй соответствует первой и первоначальной ситуации опасности, а первый — развившимся из нее позже условиям возникновения страха. Или, имея в виду встречающиеся в действительности заболевания, можно сказать, что второй случай имеет место в этиологии актуальных неврозов, а первый остается характерным для психоневрозов.

Мы видим, что нам не приходится обесценить прежние открытия, и только привести их в связь с новыми взглядами. Нельзя отрицать, что при воздержании, при нарушении течения сексуального возбуждения, вследствие злоупотреблений, при отвлечении этого возбуждения от его психической переработки, страх возникает непосредственно из либидо, т. е. появляется то состояние беспомощности Я перед слишком большим напряжением потребности, которое, как при рождении, заканчивается развитием страха. При этом возникает безразличная по существу, но очень легкая возможность того, что именно избыток неиспользованного либидо находит себе отток в развитии страха. Мы видим, что на почве этого актуального невроза особенно легко развиваются психоневрозы. А это значит, что Я делает попытки избавиться от страха, который некоторое время удалось держать в свободном, несвязанном состоянии, стараясь связать его при помощи симптомообразования. Вероятно, анализ травматических военных неврозов, — под каковым названием, несомненно, понимаются очень различные заболевания — откроет, что некоторые из них близки к проявлениям актуальных неврозов.

Описывая развитие различных ситуаций опасности из первоначального прообраза — акта рождения, мы были далеки от утверждения, что всякое более позднее условие возникновения страха просто уничтожает предыдущее. Прогресс развития Я способствует, правда, тому, что прежняя ситуация опасности обеспечивается и отбрасывается, так что можно сказать, что определенному возрасту соответствует адекватно определенное условие страха. Опасность психической беспомощности соответствует периоду незрелого Я, подобно тому, как опасность утери объекта — несамостоятельности первых детских лет, кастрационная опасность — фаллической фазе, страх Сверх-Я — латентному периоду. Однако все эти ситуации и опасности и условия возникновения страха могут оставаться одновременно и вынуждать Я к реакции страха не только в адекватные, но в более поздние периоды, или несколько этих ситуаций могут действовать одновременно. Весьма возможно, что имеется и более тесная зависимость между действующей ситуацией опасности и формой вызванного ею невроза[1].

---

[1] С тех пор как мы различаем Я и Оно, должен был снова усилиться наш интерес к проблемам вытеснения. До сих пор нам достаточно было принимать во внимание обращенные к Я стороны процесса устранения от сознания и от моторных центров и образования замещения (симптомы). Относительно же вытесненных течений мы предполагали, что они остаются неопределенно долгое время неизменными в бессознательном. Теперь интерес привлекается к судьбам вытесненного, и мы начинаем предполагать, что сохранение такого неизменного и неподдающегося изменению состояния вовсе не разумеется само собой, и, может быть, даже необычно. Первоначальное влечение, во всяком случае, заторможено вытеснением и отвлечено от своей цели. Но сохранился ли зародыш этого влечения в бессознательном и оказался ли он резистентным против изменяющих и обесценивающих влияний жизни? Сохраняются ли, следовательно, старые желания, о прежнем существовании которых говорит нам анализ? Ответ кажется простым и вполне достоверным: вытесненные старые желания должны еще сохраниться в бессознательном, так как мы находим, что отпрыски их — симптомы — еще оказывают свои действия. Но ответ этот недостаточен. Он не заключает в себе выбора между двумя возможностями: оказывает ли старое желание теперь свое действие только посредством своих отпрысков, па которые перенеслась вся его прежняя энергия, или сохранилось ли, кроме того, и само это желание. Если ему суждено было исчерпаться в энергии (Besetzung) своих отпрысков, то остается еще третья возможность, — что за время невроза оно ожило благодаря

Когда в предыдущей части нашего исследования мы наткнулись на значение опасности кастрации не для одной только формы невротического заболевания, то уже, сделали предупреждение о том, что нельзя слишком переоценивать этот момент, так как он не может иметь решающего влияния на лиц женского пола, которые, несомненно, более предрасположены к неврозу. Теперь мы убедились, что нам не угрожает опасность видеть в страхе кастрации единственный мотор процессов отражения, ведущих к образованию невроза. В другом месте я описал, как, посредством кастрационного комплекса, развитие маленькой девочки направляется в сторону нежной привязанности к объекту. Именно у женщины ситуация опасности потери объекта, как кажется, остается самой действительной. В отношении условия развития страха у нее мы должны ввести то маленькое изменение, что здесь речь идет уже не об отсутствии или о реальной потере объекта, а только о потере любви со стороны объекта. Так как не подлежит сомнению, что истерия имеет большее сродство с женским полом, подобно тому как невроз навязчивости с мужским, то весьма естественно предположить, что условие страха потери любви играет, вероятно, при истерии такую же роль, какую угроза кастрацией — при фобиях, и Сверх-Я — при неврозе навязчивости.

IX.

Нам остается теперь рассмотреть отношения между симптомообразованием и развитием страха.

Как кажется, по этому поводу широко распространены два мнения. Одно считает самый страх симптомом невроза, другое полагает, что между обоими явлениями существует гораздо более тесное взаимоотношение. Согласно последнему мнению, симптомообразование совершается только для того, чтобы избавиться от страха; симптомы связывают ту психическую энергию, которая, в противном случае, нашла бы себе выход в качестве страха, и страх, таким образом, является основным феноменом и главной проблемой невроза.

По меньшей мере частичную правильность этого второго утверждения можно доказать весьма убедительными примерами. Если агорафобика, которого сопровождали на улице, оставить там одного, то с ним делается припадок страха; если невротику, страдающему навязчивостью, помешать вымыть руки после прикосновения к чему-нибудь "запрещенному", то он становится жертвой почти невыносимого страха. Совершенно очевидно, что условие, требующее сопровождения на улице и навязчивое действие мытья имеют целью своей — а также и следствием — не допустить такой вспышки страха. В этом смысле любое торможение, которое Я на себя возлагает, может быть вызвано симптомом.

Так как мы объяснили развитие страха ситуацией опасности, то мы предпочтем сказать, что симптомы создаются для того, чтобы избавить Я от ситуации опасности. Если помешать симптомообразованию, то опасность действительно наступает, т.е. создается состояние, аналогичное рождению, при котором Я чувствует себя беспомощным против все нарастающего требования влечения; или, другими словами, повторяется самая первоначальная ситуация, обусловливающая развитие страха. С точки зрения наших взглядов менее тесное взаимоотношение между страхом и симптомом, чем это предполагалось, является следствием того, что между тем и другим мы вставили еще момент ситуации опасности. В дополнение мы можем еще сказать, что развитие страха дает толчок к симптомообразованию, являясь "необходимой предпосылкой его, так как, если бы Я, вследствие развития страха, не растормошило бы инстанцию "удовольствия — неудовольствия" (Lust — Unlust), у него не было бы силы задержать подготовляющийся в Оно опасный процесс. При этом совершенно очевидна

регрессии, несмотря на то что в настоящее время оно может оказаться совершенно несвоевременным. Это последнее соображение вовсе незачем считать излишним. Много явлений больной и нормальной душевной жизни как будто требует такой постановки вопроса. В моем исследовании разрушения Эдипова комплекса я обратил внимание на Различие между простым вытеснением и действительным исчезновением старого желания.

тенденция ограничиться минимальным количеством страха, использовав его только как сигнал. В противном случае неудовольствие, которым угрожает влечение, пришлось бы все-таки испытать, хотя и в другом месте. Это, с точки зрения принципа удовольствия, не составляло бы никакой выгоды, хотя, однако, при неврозах встречается довольно часто.

Действительная выгода симптомообразования состоит, следовательно, в устранении ситуации опасности. В симптомообразовании имеются две стороны: одна, остающаяся скрытой от нас, создает в Оно те изменения, при помощи которых Я избавляется от опасности, другая же, обращенная к нам, показывает, что вместо вытесненного влечения образовалось замещающее образование.

Нам следовало бы, однако, выражаться более точно и приписать процессу отражения сказанное нами только что по поводу симптомообразования, а само слово симптомообразование употреблять как синоним "замещающего образования" (Ersatzbildung). Тогда кажется совершенно ясным, что процесс отражения аналогичен бегству, посредством которого Я избавляется от угрожающей ему извне опасности, что процесс этот представляет собой именно такую попытку к бегству от опасности со стороны влечения. Возражения против такого сравнения помогут дальнейшему выяснению дела. Во-первых, можно возразить, что потеря объекта (потеря любви со стороны объекта) и угроза кастрацией являются также опасностью, угрожающей извне, подобно загнанному зверю, а не опасностью со стороны влечения. Однако все же это не одно и то же. Волк, вероятно, набросился бы на нас, независимо от того, как мы себя ведем по отношению к нему; но любимый человек не лишил бы нас своей любви и кастрация не угрожала бы нам, если бы мы не питали в душе своей определенные чувства и намерения. Таким образом, эти влечения становятся условиями возникновения внешней опасности, а вместе с тем и сами опасными. Теперь мы можем бороться с внешней опасностью при помощи мер, принятых против внутренних опасностей. При фобиях животных опасность, очевидно, ощущается еще совершенно как внешняя, точно так же, как и в симптомах она переносится во вне. При неврозе навязчивости она переживается в гораздо большей мере внутри себя; доля страха перед Сверх-Я — социальный страх — воплощает еще внутреннюю замену внешней опасности, но другая часть, составляющая страх перед своей совестью — безусловно, эндопсихична.

Другое возражение утверждает, что при попытке к бегству от угрожающей извне опасности мы только увеличиваем расстояние между собой и источником угрозы. Мы ведь не защищаемся от опасности, не пытаемся в ней самой ничего изменить, как, например, это имеет место в другом случае, когда мы идем с дубиной на волка или стреляем в него из ружья. А процесс отражения как будто бы делает больше того, что соответствует попытке к бегству. Он вмешивается в течение угрожающего влечения, каким-то образом его подавляет, отклоняет от цели и этим делает безопасным. Это возражение кажется неопровержимым, с ним приходится считаться. Мы полагаем, что дело, пожалуй, обстоит так, что бывают процессы отражения, которые с полным правом можно сравнить с попыткой к бегству. Между тем как в других случаях Я защищается гораздо активней, оказывая энергичное противодействие. Если сравнение отражения с бегством вообще невозможно, то благодаря тому, что Я и влечение, находящееся в Оно, являются частями одной и той же организации, а не отдельными существами, как волк и дитя, и поэтому любое поведение Я должно изменить процесс развития влечения.

Благодаря изучению условий страха, мы вынуждены были рассматривать поведение Я при отражении, так сказать, в рациональном освещении. Каждая ситуация опасности соответствует определенному возрасту или фазе развития душевного аппарата, и кажется вполне оправдываемой ими. В раннем детстве ребенок действительно не приспособлен к тому, чтобы справляться с большим количеством возбуждений, воспринятых извне или изнутри. В известном возрасте, действительно, самый важный интерес в жизни состоит в том, чтобы лицо, от которого зависишь,

не отказало в нежной заботе. Если мальчик чувствует в сильном отце соперника, замечает в себе агрессивные наклонности против отца и сексуальные намерения в отношении матери, то он прав, когда у него появляется страх перед отцом и этот страх наказания со стороны последнего, усиленный филогенетическими моментами, может проявиться как кастрационный страх. С возникновением социальных взаимоотношений, страх перед Сверх-Я — совестью — становится необходимостью и отсутствие ее — источником тяжелых конфликтов и опасностей и т.д. Но именно с этим связывается новая проблема.

Попробуем заменить аффект страха на минуту другим, например аффектом боли. Мы считаем совершенно нормальным, когда четырехлетняя девочка горько плачет, если у нее разбивается кукла, а шестилетняя, когда учительница делает ей выговор, и шестнадцатилетняя, если возлюбленный не обращает на нее внимания, а двадцатипятилетняя, может быть, когда хоронит ребенка. Каждое из этих условий душевной боли имеет свое время и проходит по истечении его; последнее и окончательное из этих условий сохраняется на всю жизнь. Но нам показалось бы странным, если бы эта девочка, уже будучи женщиной и матерью, стала бы плакать из-за порчи какой-нибудь безделушки. Но так именно ведут себя невротики, в их душевном аппарате уже давно развились все инстанции, необходимые для того, чтобы справляться с раздражениями в широких пределах, они уже достаточно взрослы, чтобы самостоятельно удовлетворять большинство своих потребностей, они давно уже знают, что кастрация больше не применяется как наказание, и тем не менее они ведут себя так, как будто остались еще старые ситуации опасности, они сохраняют все прежние условия развития страха.

Ответ на этот вопрос будет несколько пространный. Раньше всего он должен точней установить фактическую сторону. В большинстве случаев старые условия возникновения страха действительно отпадают после того, как они вызвали уже невротические реакции. Фобии самых маленьких детей перед одиночеством, темнотой и посторонними людьми, заслуживающие названия почти нормальных, по большей части проходят в несколько старшем возрасте, "из них вырастают", как говорят о некоторых других нарушениях детства. Столь частые фобии животных испытывают ту же участь, многие конверзионные истерии детства не имеют позже продолжения. Церемониал во время латентного периода встречается чрезвычайно часто, и только очень незначительный процент этих случаев развивается позже в полный невроз навязчивости. Детские неврозы вообще, как показывает наш опыт над городскими детьми белой расы, подвергшимся более высоким требованиям культуры, представляют собой регулярные эпизоды развития, хотя им все еще посвящается слишком мало внимания. Нет ни одного взрослого невротика, у которого не было бы признаков детского невроза, между тем как далеко не все дети, проявляющие эти признаки, впоследствии становятся невротиками. Таким образом, в течение созревания должны быть оставлены прежние условия развития страха, и ситуации опасности сохраняются в более поздние годы благодаря тому, что модифицируют свои условия развития страха соответственно требованию времени. Так, например, кастрационный страх сохраняется под маской сифилофобии после того, как становится известно, что хотя кастрация и не применяется больше в наказание за удовлетворение сексуальных вожделений, но вместо нее, при свободном удовлетворении влечений, угрожают тяжелые заболевания. Другие условия развития страха, вообще не должны исчезнуть, а сопровождают человека в течение всей жизни, как например страх перед Сверх-Я. Невротик отличается в атом случае от нормального тем, что и чрезмерно преувеличивает реакции на эти опасности. Наконец, и зрелый возраст не является достаточной защитой против возвращения первоначальной травматической ситуации страха: душевный аппарат каждого индивида в состоянии одолеть количество раздражений, требующих разрешения только до известного предела, выше которого он оказывается несостоятельным.

Эти небольшие дополнения никоим образом не могут иметь целью поколебать тот факт, о

котором здесь идет речь, а именно, что поведение столь многих людей в отношении опасности остается инфантильным, что они не могут преодолеть многолетние условия развития опасности. Оспаривать это, значит отрицать факт существования неврозов, потому что именно таких людей называют невротиками. Как же это возможно? Почему не все неврозы являются эпизодами развития? Откуда этот момент длительности в этих реакциях на опасность? Откуда берется это преимущество, которым аффект страха, по-видимому, пользуется перед всеми другими аффектами, именно он один в состоянии вызвать реакции, которые отличаются ненормальным характером и, как нецелесообразные, противятся течению жизни? Другими словами, мы неожиданно снова стоим перед столь часто ставящимся вопросом: откуда берется невроз, что составляет его последний, ему одному свойственный мотив? По истечении длящихся несколько десятилетий аналитических исследований, встает перед нами эта проблема, не тронутая, как в самом начале.

X.

Страх является реакцией на опасность. Нельзя отказаться от мысли, что если аффект страха может отвоевать себе исключительное положение в душевной экономике, то это находится в связи с сущностью опасности. Но опасности общечеловечны — одни и те же для всех людей. Нам необходимо поэтому понять один момент, который остается нам неизвестным, а именно: понять причину различия между индивидуумами, которые в состоянии подчинить аффект страха, несмотря на его особенности, нормальному течению душевной жизни, или причину того, что другим эта задача не удается. Мне известны две попытки открыть этот момент. Вполне понятно, что всякая такая попытка должна рассчитывать на благоприятный прием, так как обещает пойти навстречу мучительной потребности. Обе попытки дополняют одна другую, так как подходят к проблеме с противоположных концов. Первая предпринята более десяти лет тому назад Alfred Adler'ом. Главная сущность его утверждения сводится к тому, что неудачу при одолении поставленных опасностью задач терпят люди, которым большие трудности доставляет малоценность их органов. Если бы верно было, что Simplex sigillum veri, то такое решение проблемы следовало бы приветствовать. Однако, наоборот, критика прошлого десятилетия окончательно доказала полную несостоятельность этого объяснения, которое к тому же игнорирует полностью богатство вскрытых психоанализом фактов.

Вторую попытку предпринял в 1923 г. Otto Rank в своей книге "Trauma der Geburt". Выло бы несправедливо приравнять эту работу попытке Adler'a в каком бы то ни было другом пункте, кроме указанного здесь (тождества темы). Он остается на почве психоанализа, мысли которого он развивает дальше, и его труд необходимо признать как законное старание разрешить аналитические проблемы. В данном отношении между индивидом и опасностью Rank обращает внимание не на слабость органа индивида, а на изменчивую интенсивность опасности. Процесс рождения представляет собой первую ситуацию опасности. Происходящий при нем экономический отток раздражения становится прообразом реакции страха. Выше мы проследили линию развития, связывающую эту первую ситуацию опасности в первое развитие страха со всеми последующими, и при этом убедились, что все они имеют нечто общее, так как все означают в известном смысле разлуку с матерью, — сперва в биологическом отношении, затем в смысле прямой утери объекта, а впоследствии — непосредственной. Открытие этой большой связи составляет неоспоримую заслугу конструкции Rank'a. Однако травма рождения проявляется у отдельных индивидов с различной интенсивностью, а вместе с ее силой изменяется и сила реакции страха. По мнению Rank'a, от этой первоначальной величины развития страха зависит, удастся ли индивиду научиться овладеть им, т.е. станет ли он невротиком или здоровым.

Нашу задачу составляет не детальная критика положений Rank'a, а только исследование,

насколько они пригодны для разрешения нашей проблемы. Формула Rank'a, что невротиком становится тот, кому вследствие силы травмы рождения, никогда не удастся вполне эту травму "отреагировать", с теоретической точки зрения вызывает большие сомнения. Нельзя понять, что подразумевается под "отреагированием" травмы. Если понимать дословно, то приходишь к недопустимому выводу, что невротик тем больше будет приближаться к выздоровлению, чем чаще и сильнее он станет репродуцировать аффект страха. Вследствие этого противоречия действительности я отказался в свое время от теории отреагирования, играющей такую большую роль в катарсисе. Подчеркивание изменчивой силы травмы рождения не оставляет места для вполне правильной этиологической роли наследственной конституции. Такая травма представляет собой органический момент и по отношению к конституции является случайностью, завися от многих влияний, заслуживающих названия случайных, например от своевременного оказания помощи при рождении. Учение Rank'a вообще не принимает во внимание конституциональные и филогенетические факторы. Если же попытаться оставить место для значения конституции, вводя хотя бы ту модификацию, что большое значение имеет обстоятельство, как сильно индивид реагирует на изменчивую интенсивность травмы рождения, то вся теория лишается своего значения, а вновь введенный фактор начинает играть только вторичную роль. Решающий момент в развитии невроза заключается в таком случае все же в какой-то другой, опять-таки неизвестной, области.

Тот факт, что процесс рождения переживается человеком наравне с другими млекопитающими, между тем как предрасположение к неврозу составляет его преимущество перед животными, вряд ли благоприятен для учения Rank'a. Но главным возражением остается то, что вся теория витает в воздухе, вместо того чтобы основываться на точных наблюдениях. У нас нет удовлетворительных исследований вопроса, совпадают ли длительные и тяжелые роды с очевидным развитием невроза у ребенка, или о том, проявляют ли таким образом рожденные дети более долго и сильно феномены ранней детской боязливости. Если принять во внимание, что преждевременные и легкие для матери роды для ребенка, может быть, имеют значение тяжелых травм, то все же остается требование, чтобы роды, сопровождающиеся асфиксией, позволяли с уверенностью видеть указанные тяжелые последствия. Преимущество этиологии состоит, по-видимому, в том, что ею выдвигается момент, который может быть проверен на материале путем непосредственного опыта. До тех пор пока такая проверка действительно не предпринята, нет возможности дать верную оценку.

С другой стороны я не могу присоединиться к мнению, что учение Rank'a противоречит принятому до сих пор в психоанализе этиологическому значению сексуального влечения. Это значение касается только отношения индивида к ситуации опасности и оставляет открытым вопрос о том, что тот, кто не смог справиться с первоначальными опасностями, скажется несостоятельным и перед возникающими позже ситуациями сексуальной опасности г, благодаря этому, заболеет неврозом.

Я не думаю поэтому, что попытка Rank'a дала нам ответ на вопрос о причинах невроза, и полагаю, что нет еще возможности решить, в какой мере она может содействовать решению этого вопроса. Если исследование вопроса о влиянии тяжелых родов на предрасположения к неврозам даст отрицательные результаты, то значение попытки Rank'a окажется ничтожным. Можно очень опасаться, что потребность найти несомненную и единую "последнюю причину" нервозности останется всегда неудовлетворенной. Идеальное положение, о котором, вероятно, и теперь мечтает медик, состояло бы в нахождении такой бациллы, которую можно изолировать в чистой культуре и прививка которой вызывает у каждого индивида то же заболевание. Или несколько менее фантастично: нахождение химических веществ, прием которых вызывает и прекращает определенные неврозы. Однако вероятность не говорит за подобное решение проблемы.

Психоанализ приводит к менее простым и менее удовлетворительным результатам. Я могу здесь только повторить давно известное, не прибавив ничего нового. Если Я удалось защититься от опасного влечения, например благодаря процессу вытеснения, то хотя этим Я и затормозило и нанесло вред этой части Оно, Я должно было одновременно дать последней и известную долю независимости, и отказаться от части своего собственного господства над ним. Это вытекает из природы вытеснения, являющегося, по существу, попыткой к бегству. Вытесненное становится теперь "вольным, как птица", оно исключено из большой организации Я и подчиняется только законам, господствующим в области бессознательного. А когда ситуация опасности меняется, так что у Я нет более мотива для отражения нового, аналогичного вытесненному, влечения, то последствия этого ограничения Я становятся очевидны. Новое течение влечения совершается под влиянием автоматизма — я предпочитаю сказать: навязчивого воспроизведения, оно идет тем же путем, что и прежде вытесненное, как будто бы преодоления ситуации опасности не было. Фиксирующим моментом вытеснения является, таким образом, навязчивое воспроизведение в бессознательном Оно, которое при нормальных условиях устраняется только благодаря свободной подвижной функции Я. Хотя Я иной раз может удастся разрушить преграды вытеснения им самим воздвигнутые, восстановить свое влияние на влечение и направить новое течение влечения в смысле изменившейся ситуации опасности. Но остается фактом, что часто ему это не удается, что Я не может устранить свои же собственные вытеснения. Для исхода борьбы могут иметь решающее значение количественные соотношения. В некоторых случаях у нас создалось впечатление, что решающее влияние носит тут насильственный характер, что регрессивное притяжение вытесненного душевного движения и сила вытеснения так велики, что новое переживание может подчиниться только навязчивому воспроизведению. В других случаях мы распознаем участие другой действующей силы: притяжение вытесненного прообраза усиливается благодаря отталкиванию со стороны реальных трудностей, противящихся другому течению нового влечения.

Что такое именно путь фиксации вытеснения и сохранения влияния неактуальной уже ситуации опасности, доказывает сам по себе скромный, но теоретически чрезвычайно ценный факт аналитической терапии. Если мы в анализе оказываем Я помощь, дав ему возможность устранить его вытеснения, Я снова приобретает свою власть над вытесненным в Оно и может дать влечению такое направление, как будто бы старой ситуации опасности не было. Достигаемое нами таким образом вполне совпадает с обычными возможностями нашей врачебной деятельности. Обыкновенно наша терапия должна довольствоваться тем, чтобы скорее, увереннее и с меньшими усилиями добиться того хорошего исхода, который, при благоприятных обстоятельствах, наступил бы сам.

Приведенные соображения показывают, что количественные соотношения, на которые нельзя непосредственно указать, но о которых можно судить путем обратного заключения, имеют решающее влияние на то, сохраняются ли старые ситуации опасности, остаются ли вытеснения Я и имеют ли продолжение детские неврозы. Среди факторов, являющихся причинами неврозов, создающих условия, при которых борются психические силы, для нашего понимания выдвигаются три: биологический, филогенетический и чисто психологический. Биологический фактор составляет так долго затянувшаяся беспомощность и зависимость маленького человеческого ребенка. Внутриутробное существование человека кажется относительно сокращенным в сравнении с большинством животных. Человеческий детеныш появляется на свет менее зрелым. Благодаря этому усиливается влияние реального внешнего мира; рано развивается дифференциация между Я и Оно, повышается значение опасности внешнего мира и ценность объекта, который один только в состоянии защитить от этих опасностей и заменить утерянную внутриутробную жизнь, невероятно повышается. Этот биологический момент восстанавливает,

таким образом, первую ситуацию опасности и создает потребность быть любимым, с которой человек больше не расстается.

О существовании второго филогенетического фактора мы заключаем на основании чрезвычайно замечательного факта в развитии либидо. Мы находим, что сексуальная жизнь человека не развивается подобно большинству родственных ему животных, постоянно и беспрерывно до наступления зрелости. Развитие либидо у человека происходит так, что после первого раннего расцвета в период до пятилетнего возраста наступает энергичный перерыв в развитии, после чего, с наступлением зрелости, оно снова начинается, продолжаясь из инфантильных зародышей. Мы полагаем, что в судьбах человеческого рода произошло что-то важное, что оставило, как исторический след, этот период сексуального развития. Патогенное значение этого момента видно из того, что большинство требований влечений этой детской сексуальности воспринимаются Я как опасности и отвергаются им. Благодаря этому более поздние сексуальные душевные движения при наступлении зрелости, которые должны были бы быть приемлемы для Я, подвергаются опасности подчиниться притяжению инфантильных прообразов и последовать за ними в процессе вытеснения. Здесь мы сталкиваемся с самой прямой этиологией невроза. Замечательно, что ранний контакт с требованиями сексуальности оказывает на Я такое же влияние, как преждевременное соприкосновение с внешним миром.

Третий психологический фактор нужно искать в несовершенстве нашего душевного аппарата. Он находится в связи с дифференциацией этого аппарата на Я и Оно и в конечном счете, следовательно, объясняется влиянием и внешнего мира. Принимая во внимание опасности реальности, Я вынуждено защищаться от известных влечений Оно, рассматривая их как опасности. Я не может, однако, с таким же успехом защищаться против внутренних опасностей, как против части чужой ему реальности. Будучи тесно связанно с Оно, Я может только отражать опасность, исходящую от влечения, ограничивая свою собственную организацию и мирясь с симптомообразованием, как с заменой ограниченного влечения. Если напор отвергнутого влечения возобновляется, то для Я возникают все опасности, известные нам, как невротические страдания.

Дальше, полагаю я, наше понимание сущности и причин неврозов пока не пошло.

XI.
ДОБАВЛЕНИЕ

В вышеизложенном были затронуты различные темы, которые преждевременно должны были быть оставлены. Теперь постараемся снова собрать их для того, чтобы уделить им часть внимания, которое они заслуживают.

А. Изменения высказанных прежде взглядов

Сопротивление и противодействие (Gegenbesetzung)

Важную часть теории вытеснения составляет положение, что вытеснение не представляет собой совершающееся один только раз, а требует длительного постоянного усилия. Если бы это усилие отпало, то вытесненное влечение, беспрерывно получающее притоки из своих источников в следующий раз пошло бы тем же путем, от которого оно было оттеснено. Вытеснение не имело бы никакого успеха или же должно было бы повторяться без конца. Таким образом, из беспрерывной природы влечения вытекают требования, предъявляемые к Я, чтобы оно обеспечило свои реакции отражения посредством длительного напряжения. Это действие в защиту вытеснения мы чувствуем при терапевтическом вмешательстве, как сопротивление. Сопротивление предполагает то, что я назвал противодействием (Gegenbesetzung). Такое противодействие явно ощутимо при неврозе навязчивости. Оно проявляется здесь как изменение в Я, как реактивное образование в Я, посредством удаления той установки, которая противоположна

вытесненному влечению (сострадания, совестливости, любви к чистоте). Эти реактивные образования при неврозе навязчивости представляют собой преувеличение нормальных черт характера, развившихся в течение латентного периода. Гораздо труднее открыть противодействие при истерии, где оно также необходимо должно быть с теоретической точки зрении. И здесь совершенно очевидна некоторая доля изменения в Я посредством реактивных образований, а при некоторых условиях это изменение настолько бросается в глаза, что привлекает к себе внимание как главный симптом состояния. Таким путем, например, разрешается амбивалентный конфликт при истерии, ненависть к любимому лицу подавляется чрезмерной нежностью и боязнью за него. Необходимо, однако, подчеркнуть, что, в отличие от невроза навязчивости, такие реактивные образования при истерии не относятся к общей природе черт характера, а ограничиваются только специальными отношениями к данному лицу. Истеричная женщина, например, обращается со страстной нежностью с ненавистными ей, в сущности, детьми, но от этого не становится любвеобильнее, чем другие женщины, и даже не более нежной к другим детям. Реактивное образование при истерии крепко держится одного определенного объекта и не становится общим предрасположением Я. Для невроза же навязчивости характерно именно это обобщение, ослабление связи с объектом, облегчение сдвига (Verschiebung) в выборе объекта.

Другой вид противодействия, кажется, больше соответствует своеобразным особенностям истерии. Вытесненное влечение может быть разбужено (снова усилено) с двух сторон: во-первых, изнутри, вследствие усиления влечения из внутренних источников его возбуждения; во-вторых, извне — посредством восприятия объекта, желанного для данного влечения. Истерическое противодействие направляется преимущественно вовне против опасного восприятия. Оно принимает форму особой бдительности, избегающей посредством ограничения Я таких ситуаций, в которых могло бы иметь место такое восприятие. Или же этой бдительностью удается отвлечь внимание от этого восприятии, если таковое все-таки возникает. Французские авторы (Laforgue) дали недавно этому явлению истерии особое имя "скотомизация" (Skotomisation). Более странной, чем при истерии, эта техника противодействия проявляется при фобиях, интерес которых концентрируется на том, чтобы как можно больше удалиться от возможности опасного восприятия. Противоположное направление противодействия при истерии и фобиях, с одной стороны, в неврозе навязчивости, с другой, кажется значительным, хотя оно и не абсолютно. Оно наводит на мысль, что между вытеснением и внешним противодействием, как и между регрессией и внутренним противодействием (изменением Я посредством реактивного образования) имеется тесная связь. Отражение опасного восприятия составляет, впрочем, общую задачу неврозов. Той же цели должны служить различные заповеди и запреты невроза навязчивости.

Мы уже однажды выяснили, что сопротивление, которое нам необходимо преодолеть в анализе, исходит из Я, крепко держащегося своих противодействий. Я с трудом удается обратить свое внимание на восприятие и представление, избегать которых стало для него законом, или признать свои душевные движения, составляющие полную противоположность тому, что ему о себе известно. Наша борьба с сопротивлением в анализе основана на таком его понимании. Мы делаем сопротивление сознательным там, где оно, как это часто бывает, бессознательно, вследствие своей связи с вытесненным. Мы противопоставляем ему логические доводы, когда оно стало сознательным, или после этого обещаем выгоды и награды Я, если оно откажется от сопротивления. В сопротивлении Л не приходится сомневаться или вводить какие бы то ни было поправки. Но зато возникает вопрос: покрывается ли им одним то положение, с которым мы встречаемся в анализе? Опыт показывает, что Я все еще сталкивается с трудностями при устранении вытеснений и после того, как оно приняло решение отказаться от сопротивлений, и мы назвали эту фазу напряженного усилия, следующую за таким похвальным решением, фазой "проработки". Весьма легко открыть динамический момент, делающий такую проработку

необходимой и понятной. Он может состоять только в том, что, после устранения сопротивления, Я приходится преодолеть еще силу навязчивого воспроизведения, того притяжения, которое бессознательные прообразы имеют на вытесненный процесс влечения. И ничего нельзя возразить против желания назвать этот момент сопротивлением бессознательного. Пусть нам эти исправления не будут неприятны. Они желательны, если способствуют нашему пониманию, и в них нет ничего стыдного, если они не опровергают прежде сказанного, а только обогащают его, пожалуй, ограничивают какое-нибудь обобщение или расширяют слишком узкий взгляд.

Нельзя допустить, что посредством этой поправки у нас получился полный обзор всех видов сопротивления, с которыми мы встречаемся в анализе. При дальнейшем углублении мы, напротив, замечаем, что вам приходится бороться с пятью видами сопротивления, исходящими с трех сторон, а именно: из Я, из Оно и из Сверх-Я. При этом Я оказывается источником трех различных в своей динамике форм. Первое из этих трех сопротивлений Я представляет собой описанное выше сопротивление вытеснения, (Verdrangungswiederstand), о котором мы меньше всего можем сказать что-нибудь новое. От него необходимо отличать сопротивление из перенесения. (Ubertragungswiederstand) по природе своей точно такое же, как и предыдущее. Однако в анализе оно приводит к другим, более ясным явлениям, так как ему удается установить связь с аналитической ситуацией или с личностью аналитика и таким путем снова ярко оживить вытеснение, которое должно было всплыть только в воспоминании. Также сопротивлением Я, хотя совершенно другим по природе своей, является сопротивление, исходящее из выгоды от болезни (Krankheitsgewinn) и основывающееся на том, что Я вбирает в себя симптом. Око соответствует противодействию отказу от удовлетворения или облегчению состояния. Четвертый вид сопротивления — сопротивление Оно — мы только что сделали ответственным за необходимость проработки. Пятое сопротивление — сопротивление Сверх-Я стало нам известно последним. Это самое непонятное, но не всегда самое слабое сопротивление, исходящее, по-видимому, из сознания своей вины, чувства вины или потребности в наказании. Оно противится всякому успеху, в том числе и выздоровлению при помощи анализа.

Страх, возникающий вследствие либидо

Защищаемый в этой работе взгляд на страх значительно отличается от того взгляда, который мне казался верным до сих пор. Раньше я рассматривал страх, как общую реакцию Я при условии возникновения неудовольствия (Unzufriedenheit). Я старался оправдать его возникновение всегда с экономической точки зрения и, основываясь на исследовании актуальных неврозов, предполагал, что либидо (сексуальное возбуждение), отклоненное и не использованное Я, получает выход в форме страха. Нельзя не заметить, что эти различные определения не совсем подходят одно к другому, по крайней мере, не следуют одно из другого. Кроме того, весьма похоже на то, что существует особенно тесная связь между страхом и либидо, которая опять-таки не гармонирует с общим характером страха, как реакции неудовольствия (Unlustreaktion).

Возражение против этого взгляда исходило из тенденции сделать Я" единственным местом развития страха, т.е. было следствием сделанной в Я и Оно попытки расчленения психического аппарата. Прежнее понимание совершенно оправдывало взгляд на либидо вытесненных влечений как на источник страха. С точки зрения нового понимания Я скорей ответственно за этот страх. Следовательно: страх Я (Ich Angst) или страх влечения (Оно)(Trieb(Es)Angst).

Так как Я работает с десексуализированной энергией, то в этом нововведении ослаблена также интимная связь страха и либидо. Надеюсь, что мне удалось, по крайней мере, выяснить противоречия, резко нарисовать очертания неуверенности.

Напоминания Runk'a, что аффект страха, как и я сам сначала полагал, является следствием процесса рождения и воспроизведением пережитой тогда ситуации, вынудило подвергнуть новому пересмотру проблему страха. С его личным взглядом на рождение, как на травму, на состояние

страха, на реакцию на эту травму, на всякий вновь возникающий аффект страха, как на попытку все полнее "отреагировать" на эту травму, продвинуться вперед я не мог. Выяснилась необходимость перейти из реакции страха к скрывающейся за ней ситуации опасности. С введением этого момента открылись новые точки зрения. Рождение стало прообразом всех позднейших ситуаций опасности, которые открылись за новыми условиями измененной формы существования и прогрессирующего психического развития. Но собственное значение рождения было ограниченно, однако, также этим ее отношением к опасности. Испытанный при рождении страх стал теперь прообразом аффективного состояния, которое вынуждено разделить участь всех аффектов. Оно репродуцируется автоматически в ситуациях, аналогичных его первоначальной ситуации в виде нецелесообразной формы реакции, хотя в первой ситуации опасности оно было целесообразно. Или же Я получило власть под этим аффектом и само его репродуцировало, пользуясь им для предупреждения опасности, а также, как средством вызвать вмешательство механизма "удовольствие — неудовольствие" (Lust — Unlust). Биологическое значение аффекта страха получило правильную оценку благодаря тому, что страх был признан общей реакцией на ситуацию опасности. Роль Я, как места развития страха, была подтверждена, так как за Я признана была функция репродуцировать по мере надобности аффект страха. Таким образом, указаны были двоякого рода формы возникновения страха в дальнейшей жизни: одна непроизвольная, автоматическая, всякий раз оправдываемая с экономической точки зрения, а именно, когда возникает ситуация опасности, аналогичная опасности при рождении; другая форма репродуцируемая, когда такая опасность только угрожала, и имеющая целью своей стать призывом к избежанию этой опасности. В этом, втором случае, Я подвергалось страху, как будто прививке болезни, чтобы избежать неослабленного приступа благодаря перенесенному ослабленному болезненному припадку. Я как бы представляет себе живо ситуацию опасности, проявляя очевидную тенденцию ограничить это мучительное переживание только намеком, сигналом. Уже в деталях было описано, как при этом развиваются одна за другой различные ситуации опасности, оставаясь генетически связанными одна с другой. Может быть, нам удастся продвинуться еще дальше в понимании страха, если мы приступим к исследованию проблемы взаимоотношения между невротическим и реальным страхом.

Предполагаемое прежде прямое превращение либидо в страх значительно утеряло дня нас свой интерес. Если мы все же примем его во внимание, то нам придется различать несколько случаев. В отношении страха, вызываемого Я в виде сигнала, такое превращение во внимание принимать не приходится. Точно так же во всех тех ситуациях опасности, которые побуждают Я совершить вытеснение. Либидозная энергия вытесненных влечений, как это ясней, всего видно при конверзионной истерии, получает другое применение, а не испытывает превращения в страх и оттока в этой форме наружу. Однако при дальнейшем исследовании ситуации опасности мы встретимся с таким случаем развития страха, который, вероятно, придется понимать иначе.

Вытеснение и отражение (Abwehr)

В связи с обсуждением проблемы страха я снова выдвинул понятие или, скромнее выражаясь, термин, которым я в начале моих исследований тридцать лет тому назад воспользовался в виде исключения и позже больше не употреблял. Я имею в виду "процесс отражения"[2].

Впоследствии я заменил его "вытеснением", но отношение между этими двумя терминами осталось неопределенным. Я полагаю, что будет, несомненно, полезно вернуться к старому понятию "отражения", если условимся, что оно должно служить обозначением всех тех технических приемов, которыми пользуется Я при всех своих возможных конфликтах, ведущих к неврозу. Между тем название "вы теснение" останется для одного определенного метода "от-

[2] *Смотри: Die Abwehr Neuropsychosen. Geis Schriften Bd. I. 312*

ражения", который стал нам впервые лучше известен, чем другие, вследствие направления наших исследований.

И терминологическое новшество должно быть оправдано, если должно служить выражением нового подхода или расширением нашего понимания. Введение снова понятия "отражения" и ограничение понятия "вытеснения" исходит из факта, который уже давно известен, но значение которого возросло, благодаря некоторым новым открытиям. Наши первые знания о вытеснении и симптомообразовании мы приобрели при исследовании истерии. Мы видели, что содержание восприятия возбуждающих переживаний, содержание представлений патогенных мыслей забывается и исключается возможность репродукции их в памяти. Поэтому мы видели в удалении из сознания главный признак истерического вытеснения. Позже мы изучили невроз навязчивости и нашли, что при этом заболевании патогенные события не забываются. Они сохраняются в сознании, но пока еще непонятным образом "изолируются", так что приблизительно получается тот же результат, что и благодаря истерической амнезии. Однако различие (между этими двумя процессами) достаточно велико, чтобы оправдать наше мнение, что процесс, при помощи которого устраняется требование влечения при неврозе навязчивости, не может быть таким же, как и при истерии. Дальнейшие исследования нам показали, что при неврозе навязчивости, под влиянием противодействия Я, происходит регрессия влечений к прежней фазе либидо. Эта регрессия, хотя и не делая излишним вытеснение, очевидно действует в таком же смысле, как и вытеснение. Далее мы убедились, что противодействие (Gegenbesetzung), которое приходится допустить и при истерии, играет при неврозе навязчивости, в качестве реактивного изменения Я особенно большую роль при защите Я. Мы обратили внимание на способ "изолирования", технику которого мы еще не можем указать и который приобретает специальное симптоматическое выражение, и на процедуру, заслуживающую названия магической, и сводящуюся к тому, чтобы "сделать несовершившимся". Отрицающая тенденция последней процедуры не подлежит никакому сомнению, хотя с процессом "вытеснения" никакого сходства у нее нет. Эти факты послужили достаточным основанием, чтобы снова воспользоваться старым понятием "отражения", которое может охватить все эти процессы, имеющие одинаковую тенденцию — защиту Я от требования влечений — и включить в это понятие вытеснение, как один специальный случай. Значение такой номенклатуры повысится, если принять во внимание возможность, что углубление наших исследований откроет тесную связь между особыми формами отражения и определенными заболеваниями, например между вытеснением и истерией. Наше ожидание направляется дальше на возможность другой значительной зависимости. Весьма возможно, что наш душевный аппарат, до наступления строгого разделения на Я и Оно, до образования Сверх-Я, пользуется другими методами отражения, чем после достижения этих ступеней организации.

Б. Дополнение к учению о страхе

Аффект страха обладает некоторыми чертами, исследование которых обещает дальнейшее выяснение проблемы. Страх имеет очевидное отношение к ожиданию. Имеют страх перед чем-нибудь. Ему присущ характер неопределенности и беспредметности. Точное выражение нашей речи меняет название страха, когда он находит свой объект и заменяет его в таком случае словом боязнь. Кроме отношения к опасности, страх имеет еще отношение к неврозу, и выяснению этого последнего отношения уже много времени посвящены наши старания. Возникают вопросы: почему не все реакции страха невротичны? Почему мы многие из них признаем нормальными? Наконец, различие между реальным страхом и невротическим страхом требует основательного исследования.

Будем исходить из последней задачи. Успех нашего исследования состоял в том, что от

реакции страха мы перешли к ситуации опасности. Допустим такое же изменение в проблеме реального страха, и разрешение ее окажется легким. Реальная опасность — это такая, которая нам известна, реальный страх — это страх перед такой, известной нам опасностью. Невротический страх — это страх перед опасностью, которая нам не известна. Невротическую опасность необходимо поэтому искать. Анализ нам показал, что она представляет собой опасность, исходящую от влечения. Доводя до сведения Я эту неизвестную ему опасность, мы уничтожаем различие между реальным страхом и невротическим страхом и можем относиться к последнему, как к первому.

В положении реальной опасности мы проявляем две реакции: аффективную вспышку страха и защитное действие. Весьма вероятно, что при опасности, исходящей от влечения, происходит то же самое. Нам известен случай нецелесообразного, совместного действия обеих реакций, когда одна реакция дает сигнал для вступления в действие другой реакции. Однако мы знаем также и нецелесообразный случай — случай парализующего страха, когда одна реакция распространяется за счет другой.

Встречаются случаи, когда признаки реального страха и невротического проявляются в смешанном виде. Опасность известна и реальна, но страх перед ней чрезмерно велик, больше, чем должен был бы быть по нашему мнению. В этом "больше" проявляется невротический элемент. Но в этих случаях нет ничего принципиально нового. Анализ показывает, что с известной реальной опасностью связана неизвестная опасность, исходящая от влечения.

Мы успеем больше, если не удовлетворимся тем, что сведем страх к опасности. Что составляет ядро, значение ситуации опасности? Очевидно, оценка собственной силы в сравнении с величиной опасности признание нашей беспомощности против нее: материальной беспомощности — в случае реальной опасности, психической беспомощности — в случае опасности, исходящей от влечения. Наше суждение руководствуется при этом действительным опытом. Ошибается ли оно в своей оценке — для результата это безразлично. Назовем такую пережитую ситуацию беспомощности травматической. У нас имеется в таком случае достаточно оснований отличать травматическую ситуацию от ситуации опасности.

Важный прогресс в нашем самосохранении составляет положение, когда мы не ждем наступления такой травматической ситуации беспомощности, а предвидим ее, предвосхищаем ее. Ситуация, в которой заключается такое ожидание, называется ситуацией опасности, и при ее наступлении дается сигнал страха. Последний означает: я жду, что создастся ситуация беспомощности, или ситуация данного момента напоминает мне, испытанное прежде травматическое переживание. Я предупреждаю поэтому эту травму, хочу вести себя так, как будто бы она уже наступила, пока еще не поздно уклониться от нее. Страх является поэтому, с одной стороны, ожиданием травмы, а с другой стороны, смягченным воспроизведением ее. Оба признака, замеченные нами в страхе, имеют различное происхождение. Его отношение к ожиданию принадлежит к ситуации опасности, его неопределенность и беспредметность к травматической ситуации беспомощности, антиципированной ситуации опасности.

После развития ряда: страх, опасность, беспомощность (травма) — мы пришли к следующему выводу: ситуация опасности представляет собой узнанную, вспоминаемую, ожидаемую ситуацию беспомощности. Страх представляет собой первоначальную реакцию на беспомощность при травме, реакцию, репродуцируемую затем при ситуациях опасности как сигнал о помощи. Л', пережившее пассивно травму, воспроизводит активно ослабленную репродукцию ее в надежде, что сможет самостоятельно руководить ее течением. Нам известно, что дитя ведет себя таким же образом в отношении всех мучительных для него впечатлений, воспроизводя их в игре. Переходя, таким образом, от пассивности к активности, ребенок старается психически одолеть свои жизненные впечатления. Если таков смысл "отреагирования травмы", то

против этого ничего нельзя возразить. Однако решающим моментом является первый сдвиг (Verschiebung) реакции страха от ее происхождения в ситуации беспомощности на ожидание этой ситуации, т.е. на ситуацию опасности. Затем следуют дальнейшие сдвиги от опасности на условия опасности, на утерю объекта или на упомянутые уже видоизменения последней.

"Избалованность" маленького ребенка влечет за собой то нежелательное последствие, что опасность утери объекта — объекта, как защиты против всех ситуаций беспомощности — превышает все другие опасности. Она благоприятствует, таким образом, сохранению состояния детства, которому свойственна моторная и психическая беспомощность.

До сих пор у нас не было повода смотреть на реальный страх иначе, чем на невротический. Нам известно различие между ними: реальная опасность угрожает от внешне го объекта; невротическая же — от требования влечения. Поскольку это требование влечения представляет собой нечто реальное, то можно признать, что и невротический страх имеет реальное основание. Мы поняли, что кажущееся, особенно интимное взаимоотношение между страхом и неврозом объясняется тем фактом, что Я защищается при помощи реакции страха от опасности, исходящей из влечения так же, как от внешней реальной опасности. Но это направление деятельности отражения, вследствие несовершенства душевного аппарата, приводит к неврозу. Мы пришли также к убеждению, что требование влечения часто становится (внутренней) опасностью только потому, что удовлетворение его привело бы к внешней опасности, следовательно потому, что эта внутренняя опасность представляет собой внешнюю.

С другой стороны, и внешняя (реальная) опасность должна превратиться во внутреннее переживание для того, чтобы приобрести значение для Я, которое должно узнать отношение ее к пережитой ситуации беспомощности[3].

Инстинктивное значение угрожающих извне опасностей, по-видимому, не врожденно человеку или же врожденно в очень незначительных размерах. Маленькие дети беспрестанно проделывают вещи, которые угрожают опасностью для их жизни, именно поэтому не могут обойтись без защищающего их объекта. В отношении травматической ситуации, против которой оказываешься беспомощным, совпадает внешняя и внутренняя опасность, реальная опасность и требование влечения. Я может, в одном случае, пережить боль, которая не прекращается, в другом случае, нарастание потребности, которая не может найти удовлетворения; в обоих случаях экономическая ситуация будет одна и та же, и моторная беспомощность находит себе выражение в психической беспомощности.

Загадочные фобии раннего детства заслуживают еще раз упоминания в этом месте. Некоторые из них — страх одиночества, перед темнотой, посторонними людьми — мы могли понять, как реакцию на опасность утери объекта. Относительно других маленьких животных, грозы и т.п. может быть правильное объяснение, что они представляют собой заглохшие остатки врожденной приспособленности к реальной опасности, так ясно выраженной у других животных. Для человека целесообразна только та доля архаического наследства, которая относится к потере объекта. Когда такие детские фобии фиксируются, усиливаются и сохраняются до позднего возраста, анализ показывает, что содержание их связалось с требованиями влечений и стало выражением также и внутренних опасностей.

В. Страх, боль и печаль

О психологии процессов чувств известно так мало, что нижеследующие робкие замечания могут притязать только на самое снисходительное отношение. Проблема встает перед нами в следующем пункте. Мы вынуждены были сказать, что страх является реакцией на опасность

---

[3] Часто бывает, что в ситуации опасности, правильно оцениваемой, к реальному страху присоединяется еще некоторая доля страха, исходящего от влечения. Требование влечения удовлетворение которого пугает Я, исходит в таком случае от мазохистского, направленного на самого себя деструктивного влечения. Может быть, это добавление служит объяснением тому, что реакция страха оказывается чрезмерно и целесообразно парализующей. Фобии высоты (окно, башня, пропасть) берут, вероятно, отсюда свое происхождение; их тайное женственное значение близко мазохизму.

потери объекта. Однако нам уже известна такая реакция на потерю объекта, а именно — печаль. Когда же, в таком случае, наступает одна реакция, а когда другая? В отношении печали, которую мы уже прежде подвергли исследованию[4], одна черта осталась совершенно непонятной — сопровождающая ее особенная, душевная боль. Что разлука с объектом причиняет боль — это нам кажется, тем не менее, само собой понятно. Проблема усложняется, таким образом, еще больше, когда разлука с объектом сопровождается страхом, когда вызывает печаль, а когда, может быть, причиняет только душевную боль?

Скажем сразу, у нас нет никакой надежды дать ответы на эти вопросы. Мы должны будем довольствоваться тем, что найдем некоторые различия и некоторые отдаленные указания.

Исходным пунктом для нас будет опять-таки та же ситуация, которую, как нам кажется, мы понимаем — ситуация младенца, находящего, вместо матери, постороннее лицо. Он проявляет в таком случае страх, который мы объяснили опасностью потери объекта. Однако его реакция сложнее и заслуживает более детального обсуждения. В страхе младенца хотя и не приходится сомневаться, однако выражение лица его и реакция плача заставляют думать, что кроме страха он испытывает еще и душевную боль. Похоже на то, что у него сливается то, что впоследствии разъединяется. Он еще не умеет различать временного отсутствия и длительной потери. Если он на один только миг не замечает матери, то ведет себя так, как будто бы уже никогда больше не сможет увидеть ее. Ему необходимо на неоднократном опыте убедиться, чтобы узнать, что за таким исчезновением матери обыкновенно следует снова ее появление. Мать способствует созреванию в нем этого важного познания, играя с ним в известную игру, при которой закрывает от него свое лицо, а затем, к радости его, снова открывает. Он может в таком случае, так сказать, испытать тоску, не сопровождающуюся отчаянием.

Ситуация, при которой мать отсутствует, представляет собой» вследствие непонимания ребенка, не ситуацию опасности для него, а только травматическую или, правильней, она становится травматической, когда он испытывает в этот момент потребность, которую мать должна удовлетворить. Но эта ситуация превращается в ситуацию опасности, если эта потребность не актуальна. Первое условие страха, которое Я само вводит, представляет собой, таким образом, отсутствие восприятия, равноценное утере самого объекта. О потере любви еще речи нет. Позже опыт учит, что объект может остаться, но рассердиться на ребенка и в таком случае утеря любви со стороны объекта становится новой, гораздо более постоянной опасностью и условием развития страха.

Травматическая ситуации отсутствия матери отличается в одном важном пункте от травматической ситуации рождения. Тогда не было объекта, который мог бы исчезнуть. Страх остается единственной реакцией, которая имела место. С тех пор неоднократно повторяющиеся ситуации удовлетворения создали объект в лице матери, который в случае появления потребности вызывает интенсивный поток чувства, заслуживающего названия "тоски". Реакцию душевной боли приходится отнести за счет этого нового обстоятельства. Боль является, таким образом, реакцией на потерю объекта, а страх — реакцией на опасность, заключающуюся в этой потере, а в дальнейшем развитии — реакцией на опасность потери объекта.

Об этой боли нам также очень мало известно. Единственное несомненное указание дает факт, что боль — сперва и обыкновенно — возникает тогда, когда действующее на периферию раздражение нарушает предохранительные меры защиты от раздражений (Reizung) и действует как длительное раздражение влечения, против которого беспомощными оказываются действенные мускульные реакции, Удаляющие раздраженное место тела от раздражителя. Если боль исходит не от кожи, а от внутреннего органа, то этим ничего не меняется. Вместо внешней периферии тут местом действия является часть внутренней периферии. Ребенку, очевидно, представляется случай

---

[4] *См. "Печаль и Меланхолия" русский перевод в III т. Психоаналит. библиот.*

испытать подобные переживания боли, независимые от его переживаний потребностей. Однако это условие возникновения боли имеет как будто мало сходства с потерей объекта. Совершенно отсутствует также в ситуации тоски у ребенка существенный для боли момент периферийного раздражения. И тем не менее не может быть лишено смысла то обстоятельство, что наш язык создал понятие о внутренней душевной боли и уподобил ощущение от утери объекта телесной боли. При телесной боли возникает высокая нарцистическая оценка больного места на теле, все возрастающая и действующая, так сказать, опустошающе на него. Известно, что при болях во внутренних органах у нас возникают пространственные и другие представления о таких частях тела, которые обыкновенно отсутствуют в нашем сознательном представлении. Также замечателен факт, что интенсивные физические боли не возникают при психическом отвлечении внимания на другие интересы (здесь нельзя сказать: остаются бессознательными). Этот факт находит объяснение в концентрации психической энергии (Besetzung) на психическом "представительстве" (представление о) больного места. В этом пункте, по-видимому, заключается аналогия, позволившая перенести ощущение боли на психическую область. Интенсивная, все возрастающая вследствие своей неудовлетворенности, тоска по отсутствующему (утерянному) объекту создает те же экономические условия, что и боль в потерпевшем ранение месте тела и создает возможность не замечать периферийную обусловленность физической боли! Переход от телесной боли к душевной соответствует превращению (narzistische Objectbesetzung) нарцистической концентрации энергии в концентрацию на объекте. Представление об объекте, очень яркое (hobesetzst) под влиянием потребности, играет роль места тела, на котором сконцентрировалось сильное раздражение. Длительность и отсутствие задержек в процессе концентрации энергии (Besetzungsvorgang) создают такое же состояние психической беспомощности. Если возникающее в таком случае неприятное ощущение носит специфический и неподдающийся более точному описанию характер боли, вместо того чтобы проявиться в форме реакции страха, то проще всего сделать за это ответственным момент, обычно при объяснении мало принимавшийся во внимание. Я имею в виду высокий уровень условий концентрации и связывания энергии (Besetzung und Bindungsverhaltnisse), при котором происходят эти процессы, приводящие к неприятным ощущениям.

Нам известна еще другая чувственная реакция на утерю объекта — печаль. Ее объяснение не представляет больше трудности. Печаль возникает под влиянием требования реальности, категорически требующей разлуки с объектом, больше уже не существующим. Она должна выполнить работу отказа от объекта во всех тех ситуациях, в которых он был предметом высокой концентрации психической энергии (Gegenstand hoher Besetzung). Болезненный характер этой разлуки соответствует только что данному объяснению, благодаря сильной неутолимой тоске по объекту при репродукции ситуации, в которой должна быть разрушена привязанность к объекту.